

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43 1990

АРМИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

М О С К В А ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Издается с января 1925 года

АРМИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

Статьи и выступления
по военным вопросам

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Об авторах:

АРБАТОВ Георгий Аркадьевич — академик, директор Института США и Канады Академии наук СССР, народный депутат СССР.

АХРОМЕЕВ Сергей Федорович — Маршал Советского Союза, народный депутат СССР.

МЕДВЕДЕВ Всеволод Николаевич — доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, генерал-майор.

Предисловие Г. А. Арбатова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книжке содержатся материалы дискуссии, которая родила немало эмоций. Начиная ее, я и представить не мог, какие обвинения обрушатся на мою голову. Но я убежден, что поступил правильно, подняв на II Съезде народных депутатов вопрос о назревшей необходимости перемен в нашей оборонной политике и более радикальных сокращений военных расходов. Теперь, почти год спустя, можно констатировать, что дискуссия вышла на крупные вопросы — о размерах наших расходов на оборону, о реалистических оценках угроз безопасности страны, о характере взаимоотношений между армией и обществом в новых условиях и др. Споры, видимо, предстоят долгие и сложные, и их едва ли удастся по команде сверху вновь «закрыть». Затронута одна из болевых точек нашего государства на нынешнем, весьма сложном этапе его истории.

Вопрос о том, сколько нам следует тратить на оборону в условиях, когда война как средство достижения политических целей все больше изживается из человеческой практики, стоит особенно остро. Всем понятно, насколько важно для оздоровления экономики сокращать военные расходы. Но такие сокращения серьезно задевают интересы очень влиятельных групп людей.

Обнаружилась и еще одна проблема — на пятом году перестройки часть наших военных (преимущественно из числа генералов) встала на консервативные позиции, примкнула к тем, кто пытается остановить процессы движения страны к свободе, процветанию, нормальной мирной жизни. Сформировался «консервативно-милитаристский» блок. Я отнюдь не считаю каждого военного (в том числе генерала) или работника оборонной промышленности милитаристом. Я имею в виду лишь тех из них, которые в последнее время все больше обособляются в рамках определенной идеологии, стремятся поставить свои групповые интересы выше интересов общества, которому они обязаны служить, борются против демократии, не выбирая средств.

Всем памятно выступление генерала Макашова на российской партконференции в июне сего года — угрозы в адрес руководства страны, апелляция к «народу», который ему очень хотелось бы натравить на тех, кто осмеливается честно и открыто говорить о болезнях нашей армии.

Нельзя игнорировать и ту овацию, которую вызвало это выступление у части делегатов — Ю. Черниченко метко сравнил эти аплодисменты с лязгом танковых гусениц. Лязг повторился и двумя неделями спустя на XXVIII съезде, когда Е. Лигачев выразил удовлетворение по поводу того, что армия сама себя начала защищать (хотя полагается ей защищать страну и конституцию, а не «честь мундира» и кастовые интересы).

Пора признаться: наше общество, наше мышление милитаризованы. Мы по традиции уже более 70 лет все время с кем-нибудь или с чем-нибудь «воюем». Нас все время тянет на какой-нибудь «фронт».

Милитаризм лежал в основе сталинской системы. И перестройка требует решительной демилитаризации нашей общественной жизни. Не сумеем добиться этого — не решим и остальных задач.

И как раз вот из этой острейшей проблемы возникает, а точнее создается, большая ложь. Она состоит в том, что перестройка угрожает интересам военнослужащих, чуть ли не губит армию как таковую. Те реальные и совершенно ничем не оправданные тяготы, которые несет подавляющее большинство наших солдат и офицеров, их бедственное социальное положение кое-кто сейчас пытается истолковать как результат новой политики — результат разоружения, гласности, демократизации.

Но социальные проблемы армии в большинстве своем возникли не сегодня, и кажутся они свежими только потому, что раньше о них просто запрещалось говорить. Нельзя сваливать всю вину за них на генералов, на военное руководство, на министерство обороны. Увлеченное количественным ростом вооруженных сил, и политическое, и военное руководство упустило в годы застоя из виду качество жизни личного состава. Никак нельзя оправдать и то, как проводится в последние годы сокращение вооруженных сил, когда десятки тысяч офицеров и их семей оказываются буквально на улице. Я не могу согласиться с теми, кто усматривает в этом сознательный саботаж, попытку возбудить в офицерском корпусе антидемократические, антиперестроечные настроения. Скорее в этом просматривается обычное наше пренебрежение интересами людей и просто головоунытие.

В ходе дискуссии допускались и «непарламентские приемы» (я их старался избегать, хотя, может быть, в чем-то тоже заслуживаю упрека). Но результаты она все же кое-какие, я надеюсь, принесла, прояснив некоторые вопросы, существенные для военной реформы. От нее не уйти. Когда идет глубокая перестройка в обществе, от нее не могут остаться в стороне Вооруженные Силы, военная политика. Армия у нас действительно должна быть плотью от плоти народа, общества.

Г. АРБАТОВ

Из выступления академика Г. А. АРБАТОВА на II Съезде народных депутатов СССР

Товарищи депутаты! Одна из не затронутых еще тем — это тема о возможностях для развития экономики и достижения успеха перестройки, которые открыла наша новая внешняя политика. В частности, то, что удалось разрушить наш образ как образ врага, сложившийся за десятилетия у мировой общественности. Лишив США и Запад этого образа, мы нанесли сокрушительный удар по всем структурам «холодной войны», по существу, сделали ее просто бессмысленной.

Тема этих новых возможностей мне представляется весьма актуальной. И не только потому, что некоторые наши консервативные деятели на весьма высоких собраниях факт резко улучшившегося отношения к нам мировой общественности используют как предлог для нападок на перестройку и на ее инициатора — Председателя Верховного Совета СССР, Генерального секретаря ЦК нашей партии. Здесь, на Съезде, я решил выступить по этому вопросу по другой причине, прямо связанной с обсуждением доклада товарища Рыжкова. Дело в том, что эти новые возможности сами по себе не материализуются. От нас зависит, используем мы шанс или нет и сможем ли мы, используя его, облегчить и ускорить преодоление кризиса, выйти на широкую дорогу экономического и социального прогресса. Первая из таких возможностей — это серьезное сокращение военных расходов. Мы в этом крайне нуждаемся. Ни одно развитое государство в мире не тратит сейчас на военные расходы, как мы, более 9 процентов своего валового национального продукта. В США эта цифра составляет 5,9 процента, в ФРГ — 3, в Японии — 1 процент.

Должен сказать, что одно из тягчайших проявлений и наследий застоя состоит в том, что тогда была дана полная свобода рук военным и военной промышленности. Было запущено множество дорогостоящих, не всегда продуманных военных программ, некоторые даже в нарушение договоров (как Красноярская радиолокационная станция, например). И они лежат на нашем хозяйстве тяжким грузом и сегодня.

Как бы то ни было, даже когда мы доведем до конца 500-тысячное одностороннее сокращение своих Вооруженных Сил, наша армия останется самой большой в мире — на полмиллиона больше слабо вооруженной китайской и на полтора миллиона больше американской.

Мы производим и имеем больше, чем любая другая страна мира, почти всех видов оружия, кроме, пожалуй, крупных надводных военных кораблей и стратегических бомбардировщиков. И мы же вместе с

США делим сомнительную славу самых крупных в мире торговцев оружием.

Военное расточительство уже сделало самую богатую капиталистическую державу — США крупнейшим в мире должником, подорвало ее конкурентные позиции в мире. Нашу же экономику оно буквально обескровило. Сейчас мы начали сокращать военные расходы. Но, на мой взгляд, робко. Представляется, что здесь можно действовать намного смелее. Некоторые товарищи, правда, спрашивают о взаимности. Но США уже начали сокращения расходов и будут их продолжать... Сам Пентагон уже заявляет о намерении сократить военные расходы на 180 млрд. долларов в течение пяти лет, на 10 процентов в год.

В политических кругах настроение более решительное. Поговаривают о необходимости добиться сокращения ежегодных ассигнований на 100 миллиардов долларов в год.

Для нас это крайне актуальная тема. Товарищ Рыжков, товарищ Лавров некоторые ее аспекты затрагивали. Я в качестве материала для размышления могу привести такие цифры. На здравоохранение в СССР в 1988 году по всем источникам финансирования было израсходовано 25,5 млрд. рублей, в США — около 200 млрд. долларов. На образование у нас — 46,7 млрд. рублей, у них — более 300 млрд. долларов. А речь идет о здоровье нации, о ее подрастающем поколении, то есть о ее будущем. Разве в сегодняшних изменившихся условиях это не самые главные компоненты безопасности?

Глядя в глаза моим военным коллегам-депутатам, я хочу сделать две оговорки, отдавая себе отчет в их озабоченности.

Первая. Я хорошо понимаю значение должного уровня обороноспособности. Я служил в армии в годы войны, имею личные впечатления о том, во что обходится неподготовленность. Но обороноспособность — это не только несметное количество оружия и солдат. Сокращая вместе с военными расходами армию и вооружение, мы можем не только не ослабить, но и укрепить оборону, повышая качество военной техники, подготовки военнослужащих и добиваясь изменений в дальнейшем в международных условиях.

А если говорить вообще о будущем, то без радикальных сокращений военных расходов мы едва ли сможем избежать дальнейшего прогрессирующего отставания экономики. А оно означало бы, что мы вскоре вообще не сможем иметь современную армию. Об этом тоже надо задуматься.

И вторая оговорка. Я считаю, что нельзя перекладывать бремя снижения военных расходов на офицеров, прапорщиков и их семьи. Никто из них не должен пострадать. Эти люди и так живут в тяжелых условиях, в общем-то стыдных для всех нас и особенно для Вооруженных Сил Советского Союза. Думаю, что хотя бы чувство неудобства перед сотнями тысяч своих подчиненных должны испытывать товарищи Язов, Моисеев, Чернавин и другие военные руководители. Но военное ведомство (видимо, в погоне за количеством) экономит на социальных нуждах людей, а ему ведь есть откуда взять средства. Это не нищий райсовет. Одни авианосные крейсера, которые оно строит, потребуют расходов, которых бы хватило на решение не только проблемы жилья, но и многих других социальных проблем Вооруженных Сил.

Здесь я многое мог бы сказать о Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности, странно уком-плектованном и странно работающем, а также о секретности, которая до сих пор мешает разобраться в этих делах, и мешает не НАТО и США, а прежде всего нам самим. Это относится, кстати, и к конверсии, о которой здесь говорили... Военной промышленности предстоит по-настоящему серьезнейшее испытание, потому что она жила в тепличных условиях — самая затратная из всех затратных наших отраслей экономики. Ей все лучшее шло — и кадры, и наука, и материалы. И вот, когда этот тепличный цветок вынесут на морозы и ветры рынка, посмотрим, как он себя поведет. И надо это быстро делать. Товарищ Лигачев говорил, что она выпускает 40 процентов продукции машиностроения. А сколько химии, сколько строительства, сколько всего другого? Это огромные резервы для ускорения нашего движения вперед, и их надо использовать...

(«Правда», 18 декабря 1989 г.)

Из выступления генерал-лейтенанта, члена Военного Совета, начальника политуправления ОВЧИННИКОВА А. И. на II Съезде народных депутатов СССР

...Журнал «Огонек», редактируемый народным депутатом СССР Коротичем, пытается армию и службу в ней изобразить чуть ли не исчадием ада. Клевета на армию подкрепляется вымыслом об угрозе военного переворота, прозвучавшим со страниц «Огонька» и в выступлении народного депутата Толпежникова из Риги здесь, на Съезде. Приблизительно в этом же ракурсе можно рассматривать выступление товарища Арбатова и приведенные им цифры. Он говорил, что США уже начали сокращение расходов на оборону и будут его продолжать. Но вот что говорится в официальной справке конгрессу США: военный бюджет на 1990 год на 6,7 млрд. долларов больше, чем в текущем году.

Наша армия, заявил академик Арбатов, даже после сокращения Вооруженных Сил будет по численности на полтора миллиона больше американской. Но, во-первых, не на полтора миллиона, а только на 460 тысяч, а во-вторых, если сравнивать блоки, то у НАТО 6,5 миллиона человек, в Организации же Варшавского Договора — 5,1 миллиона. Действительно, почти на полтора миллиона больше, но не у нас, а у них. Думаю, это важно знать депутатам. (Аплодисменты). ... Не буду забивать вам головы цифрами, напомним только, что депутат Арбатов сказал, что мы тратим на военные расходы более 9 процентов своего ВВП, а США — меньше. Но одна существенная деталь: валовой национальный продукт США превышает ВВП нашей страны на 500 процентов. Поэтому расходы на оборону США — 305,5 млрд. долларов, а в СССР — 71 миллиард — в рублях, конечно...

(«Известия», 22 декабря 1989 г.)

АРМИЯ ДЛЯ СТРАНЫ ИЛИ СТРАНА ДЛЯ АРМИИ?

Журнал «Огонек» оказался сегодня на переднем крае дискуссии по военным вопросам. В своем выступлении на Втором Съезде народных депутатов СССР в эту дискуссию попытался включиться и я. И потому, естественно, предложил журналу настоящие заметки, идущие как бы в продолжение выступления.

Начну с пояснения. Я выступил на Втором Съезде народных депутатов СССР против наших нынешних, с моей точки зрения, чрезмерных военных расходов по следующим четырем причинам.

Первая. Важная часть перестройки — новое политическое мышление, новые подходы к внешней политике. В том числе к военной силе, к ее роли, к возможности ее применения. Я не хочу сказать, что раньше мы выступали за использование оружия в политике за войну. В принципе в идеале социализма нет места войне, и совсем не случайно первым законом молодой Советской власти был Декрет о мире. Но, как и во многих других вопросах, мы здесь не всегда были на уровне своих высоких принципов и идеалов. Отвергая в целом идею «экспорта революции», в политической практике не раз с нею заигрывали, допускали уступки звонкой «революционаристской» фразе. Не раз шла наша политика и на поводу имперских амбиций. Сегодня, когда получили принципиальную оценку секретные договоренности Сталина с Гитлером в 1939 году, применение Советским Союзом и его союзниками вооруженных сил в Чехословакии в 1968 году, решение о вводе войск в Афганистан в 1979 году, это едва ли надо доказывать.

Но изменение политических подходов и установок ведет (и уже привело) к снижению военной опасности и к изменению военных доктрин и стратегии. Новая политика, естественно, не требует таких больших вооруженных сил (а значит, и военных расходов). Избыток военной мощи при этом — отнюдь не «запас прочности». Он вреден для новой политики, ибо другая сторона судит о твоих намерениях не столько по твоим словам, сколько по твоим военным возможностям. Военной силы должно быть «разумно достаточно» — не больше и не меньше того. То есть достаточно для твоей обороны, для того, чтобы не вводить

в искушение другую сторону (тем более, когда имеешь дело с США, не расставшимися со старым политическим мышлением, «дипломатией канонеров»). Но недостаточно для того, чтобы напасть на другую сторону и ее победить. Чтобы не боялась она и чтобы не вводить «в искушение» собственных политиков. Такая политическая и военная концепция нами провозглашена. Теперь стоит задача приводить в соответствие с нею наши вооруженные силы и расходы на оборону.

Вторая причина — это наше тяжелое экономическое положение. Когда ты в долгах, когда не хватает на самое необходимое, естественно начинать с элементарной вещи, известной каждой домохозяйке: жить по средствам, решительно отказаться от расточительства, от лишних расходов. Для государства должен действовать, я считаю, тот же самый рецепт. Оно обязано прежде всего отказаться от всех и всяких излишеств и экстравагантностей. К ним относятся и непомерные военные расходы. Они сегодня, по-моему убеждению, выходят за рамки реальной угрозы безопасности и разумной достаточности.

Третья причина. Мы допустили неподобающую для социалистического общества милитаризацию многих сторон своей жизни — экономики, науки, воспитания и других сфер духовной жизни. Во многом это естественное наследие сталинизма, оборотной стороной которого всегда был милитаризм. Это вместе с тем порождение периода застоя, когда маршалы и генералы, с одной стороны, и генеральные конструкторы из военной промышленности — с другой, получили полную свободу рук, стали бесконтрольными. Под руководством таких, беззастенчиво получавших в мирное время высшие воинские звания и боевые награды, «великих полководцев», как Брежнев, Устинов и Гречко, они создали невероятную по размерам и стоимости (не раз к тому же удивлявшую нас в последние годы своей низкой эффективностью) военную машину.

Чего мы добились, создав этого гиганта? Прежде всего сумели в 70-е годы, несмотря на политику разрядки, напугать весь мир и сплотить против себя такую коалицию всех ведущих держав, которой не имел, пожалуй, никто со времен Наполеона. (СССР имеет почти 64 тысячи танков, что, насколько можно судить, больше, чем у всех остальных стран мира, вместе взятых.) Далее, мы обескровили, деформировали, подорвали свою экономику и финансы, сделав неизбежными снижение уровня жизни народа и обострение социальных проблем. Наконец, мы объективно помогли, проклиная его на словах, американскому империализму, военно-промышленному комплексу США на добрых 15, а то и больше лет продлить «холодную войну», затормозить начавшийся процесс разоружения и демилитаризации международных отношений.

Все это, вместе взятое, означает, что открытое, честное обсуждение проблем вооруженных сил, военной политики и военных расходов созрело и даже перзрело. Оно вместе с радикальным оздоровлением всей этой сферы стало важной составной частью перестройки.

И с этим связана четвертая причина, побудившая меня выступить на Съезде народных депутатов. Состоит она в том, что часть высшего командного состава Вооруженных Сил пытается всеми силами сорвать

такое обсуждение. Не будучи уже в силах отрицать существование проблем и недостатков в военной сфере, они пытаются оградить ее от всякой критики, от взгляда «извне» — мол, мы сами во всем разберемся, сами перестроимся. Такая линия, проводимая шумно, напористо, даже агрессивно, не отвечает интересам страны, да и интересам самих Вооруженных Сил. Я считал поэтому очень важным перенести дискуссию по военным вопросам и на трибуну парламента, трибуну Съезда народных депутатов. Тем более что пока не оправдываются надежды на Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР. Он был укомплектован в значительной мере представителями руководства военного ведомства и военной промышленности, стал скорее их лобби, чем органом парламентского контроля.

Выступая на Съезде, я, конечно, отдавал себе отчет в том, что мои предложения о более радикальном сокращении военных ассигнований получат отпор со стороны представителей военного руководства. И меня поэтому не удивили выступления адмирала Чернавина и генерала Овчинникова. А вот что для меня, признаться, было приятной неожиданностью — так это широкая поддержка моего выступления и предложений со стороны офицеров (а частично — и генералов).

Вместе с тем хотел бы все же коротко ответить одному из критиков — генерал-лейтенанту А. И. Овчинникову. Не на личные выпады в мой адрес и попытки обвинить меня в «клевете на армию». Отвечать на такие выпады (даже если они делаются с самой высокой в стране трибуны) я считаю ниже своего достоинства.

Но вот мимо попытки опровергнуть мое утверждение, что в последние годы в США сокращаются военные ассигнования, а Советские Вооруженные Силы по численности намного превосходят американские, я пройти не могу. И дело здесь отнюдь не в оскорбленном «ораторском самолюбии». Уж очень прозрачны цели генерал-лейтенанта Овчинникова. Споря со мною, он пытается доказать, что США, наоборот, продолжают увеличивать военные расходы и имеют по численности (правда, с учетом еще и союзников) большие вооруженные силы, чем мы. Я мог это понять однозначно: как попытку поставить под сомнение советскую политику сокращения численности Вооруженных Сил и военных расходов. Потому считаю необходимым обратиться к фактам.

Правда ли, что американские военные ассигнования в последние годы не сокращаются, а растут (как утверждает генерал Овчинников)?

Нет, неправда. Я не знаю «официальной справки» конгресса США, на которую ссылается генерал, впервые вижу упомянутую им цифру роста военного бюджета на 1990 год (в сравнении с 1989 годом) на 6,7 миллиарда долларов. Но могу вновь со всей ответственностью повторить, что начиная с 1985 года военные ассигнования США — они называются там «полными бюджетными полномочиями» — постоянно снижаются (хотя, на мой взгляд, как и в СССР, слишком медленно). Если, конечно, считать по-научному, в реальных ценах, с коррекцией на инфляцию. Вот официальные цифры в постоянных ценах 1989 года: 1985 г. — 325,5 млрд. долл., 1986 г. — 311,9 млрд. долл., 1987 г. — 301,8

млрд. долл., 1988 г.— 292,8 млрд. долл., 1989 г.— 290,8 млрд. долл., т. е. на 35 млрд. долл. (более чем на 10%) меньше, чем пять лет назад. О 1990 годе говорить пока рано — еще нельзя точно оценить инфляцию.

Все эти данные взяты из официальной статистики, я за это полностью отвечаю.

То же самое относится и к моему заявлению, что даже после завершения полумиллионного сокращения наши Вооруженные Силы будут на полтора миллиона превосходить по численности американские. Нет, говорит товарищ Овчинников, не на 1,5 миллиона, а «только» на 460 тысяч. Откуда идет это разнотение, читатели «Огонька» уже знают из Открытого письма редактору журнала маршала С. Ф. Ахромеева и редакционного комментария к этому письму (см. «Огонек» № 50 за 1989 г.). Многоуважаемый Сергей Федорович Ахромеев приплюсовал к 2,1 миллиона американских военнослужащих национальную гвардию и заодно резервистов, хотя у нас не учел не только резерв, но и пограничные и внутренние войска.

Не меняет дела и попытка генерал-лейтенанта Овчинникова перевести вопрос в плоскость сравнения войск НАТО и Организации Варшавского Договора. Сюда опять же вошли некорректно засчитанные в регулярные войска США 1 миллион 200 тысяч американских резервистов и национальной гвардии и какие-то аналогичные «формирования» (по официальным американским данным, численность войск ОВД на миллион человек превосходит НАТО).

Вот так обстоит дело в действительности. Ну, а кроме того, не США, а мы приняли на вооружение доктрину «разумной достаточности». Что позволяет серьезно задуматься о многих вещах. В частности, о приоритетах и о том, откуда исходит сегодня реальная опасность — от иноземного нашествия или от нарастающих экономических трудностей, которые, если не переломить тенденцию, могут постепенно оттеснить нас в число развивающихся стран. И, разумеется, о вещах более конкретных. О том, например, почему у нас и сегодня самые большие в мире по численности Вооруженные Силы и почему мы расходим на военные цели самую большую среди крупных держав долю ВВП (даже если принять за стопроцентно правильные официальные цифры военного бюджета). А также и о том, почему мы больше всех в мире производим почти всех видов оружия и вышли на первое место в мире по его производству.

И, что, может быть, особенно важно, задуматься о том, кто же и на основе каких законов должен у нас руководить Вооруженными Силами, устанавливать в них порядки, выделять им военные ассигнования и все это проверять? Думаю, все эти вопросы равно как вопрос о составе и деятельности соответствующего Комитета Верховного Совета СССР должны возможно скорее занять достойное место в повестке дня нашего парламента. На Втором Съезде народных депутатов СССР дискуссия по военным вопросам началась. Но она, по-моему, должна быть продолжена Верховным Советом, доведена до законов, политических и бюджет-

ных решений. Этого требуют интересы самих Вооруженных Сил, интересы страны, ее экономики и ее обороноспособности.

Политику определяет политическое руководство в соответствии с конституцией и законом. Целям политики отвечает соответствующая военная стратегия и военная доктрина. А политике, стратегии и доктрине — количество, качество и структура Вооруженных Сил, военные ассигнования и военные программы. А не наоборот.

На Съезде группой офицеров-депутатов был распространен очень интересный документ — «Концепция военной реформы». Он, по моему глубокому убеждению, показывает, что в этих важных вопросах возможна общая точка зрения как военных, так и невоенных. Начавшаяся дискуссия уже дает свои плоды.

(«Огонек» № 5, 1990 г.)

В. МЕДВЕДЕВ
*доктор технических наук, профессор,
лауреат Государственной премии СССР, генерал-майор*

АРМИЯ СТРАНЫ, АРМИЯ НАРОДА

В последнее время печать, радио и телевидение уделяют армии значительное внимание. И это правильно, так как широкий обмен мнениями способствует ликвидации застойных явлений, устранению тех перекосов, которые были допущены в предыдущие годы, в том числе и в области оборонного строительства.

В своей статье наряду с другими мне хотелось бы рассмотреть ряд подходов к вопросам безопасности и оборонного строительства, высказанных академиком Г. Арбатовым на Втором Съезде народных депутатов СССР и, в их развитие, на страницах пятого номера журнала «Огонек». Это объясняется не только тем, что уважаемый Георгий Аркадьевич коснулся узловых проблем, вокруг которых идет дискуссия и которые неоднократно муссируются авторами различных публикаций, но также и тем, что, по существу, затронуты сами основы, глубинные связи армии и народа.

Начну, как я считаю, с главного. Правомерна ли такая постановка, такой подход, который вынесен академиком Г. Арбатовым в заголовок статьи «Армия для страны или страна для армии?» Однозначно, что нет. Ведь если исходить из этой посылки, то и в том, и в другом случае нужно как бы провести черту, по одну сторону которой окажутся Вооруженные Силы, а по другую — наш народ. Я бы сказал даже не только о ненужности, но и о вредности такого противопоставления.

Видимо, нет особой необходимости приводить здесь данные по социальному составу армии. Всем известно, что как кадровая ее часть, так и переменный контингент — все до единого выходцы из трудового народа, связаны с ним и духовно, и кровно, а значит, и не могут иметь каких-либо особых интересов, отличных от интересов нашей страны.

Если же идти от противного, тогда не составит особого труда обвинять армию в субъективизме при оценке степени военной угрозы, во всех экономических трудностях государства, которые увязываются с чрезмерными аппетитами генералитета и оборонной промышленно-

сти, в неправильном понимании военными принципа разумной достаточности и других смертных грехах.

Попробую высказать свое личное понимание затронутых вопросов, адресуя его не только академику Г. Арбатову.

Начнем с оценки степени военной угрозы. Для меня, как человека военного, вполне очевидно, что наша страна, в том числе и армия, имеет достаточно возможностей для получения полных данных не только об истинном состоянии военных потенциалов каждого отдельно взятого капиталистического государства, но и о перспективных планах их военных союзов. Поэтому заподозрить в необъективности и некомпетентности военных трудно.

Не могу полностью согласиться с утверждением о том, что новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности. Совершенно очевидно, что пока отодвинута лишь угроза развязывания мировой, в первую очередь ядерной, войны ввиду осознания обеими сторонами ее бессмысленности и катастрофических последствий для существования цивилизации на Земле. Но сама военная опасность, обусловленная противостоянием мощных военных группировок, оснащенных самым современным оружием, к сожалению, пока еще является главной составляющей этого понятия и не дает особых оснований для благодушия.

Возьмем общее соотношение по основным параметрам вооружений. В целом, как признано обеими сторонами, существует примерное равновесие. Однако имеют место и дисбалансы, диспропорции. В свое время академик Г. Арбатов вполне логично объяснял это тем, что каждая сторона шла в создании стратегических потенциалов своим путем с учетом уровня технического развития, возможностей экономики и др. Все это и породило известные асимметрии. И с этим трудно не согласиться. Что же изменилось сейчас?

Вы, Георгий Аркадьевич, акцентируете внимание на цифре в 64 тысячи танков у нас (большая половина которых, кстати, выпущена 20 и более лет назад). Согласен, здесь наше превосходство почти двукратное. Однако Вы не замечаете превосходства НАТО над ОВД в Европе, например, по ударным самолетам тактической авиации (в полтора раза) и подавляющего превосходства в военно-морских силах (по крупным надводным кораблям — в 5 раз, по кораблям с крылатыми ракетами — почти в 12 раз).

Или возьмем военные бюджеты сторон. Утверждение о том, что США кардинально снижают объем ассигнований на оборону, по меньшей мере преждевременно. Вы в своей статье приводите данные официальной статистики по «бюджетным полномочиям» МО США в 1985—1989 годах. Если же взять расходы непосредственно МО США за этот же период, то картина получится иная, и она свидетельствует о другом. По официальным американским источникам, расходы МО составили в 1985 г. 245,4; 1986 г. — 265,6; 1987 г. — 274,0; 1988 г. — 281,9;

1989 г. — 294,9 (на январь 1990 г.) млрд. долл. Как говорится, комментарии излишни.

Что касается Советского Союза, то его военные расходы должны обеспечивать поддержание военно-стратегического равновесия на уровне разумной достаточности. А это значит, что перед нашей страной стоит более трудная задача — достичь указанной цели меньшими средствами.

Стратегическое равновесие определяется прежде всего примерным равенством боевых потенциалов военных группировок, а они, в свою очередь, — потребными расходами на разработку, создание и закупку вооружения и военной техники. Американцы в 1990 году на эти цели запланировали израсходовать 115,7 млрд. долл., мы — 44,2 млрд. руб. Цифры говорят сами за себя.

Мы были бы очень благодарны нашим оппонентам, если бы они подсказали нам, как обеспечить надежную оборону страны при сокращении военных расходов в 1,5—2 раза, что намечено сделать к 1995 году.

Можно привести и другие доводы, которые пока удерживают нас от излишнего оптимизма в оценке степени военной угрозы для страны и наших союзников.

Наши предложения о снижении уровня военного противостояния, а также практические шаги по уменьшению военных расходов известны. В частности, утвержденные ассигнования на оборону на текущий год в сумме 70,9 млрд. руб. на 8,2 процента ниже уровня 1989 года. Однако, принимая односторонние меры по разоружению, мы все же за то, чтобы этот процесс развивался на взаимной основе.

Вторая группа проблем, на которой следует остановиться, связана с упреком, высказанным товарищем Г. Арбатовым, в том, что у нас «маршалы и генералы, с одной стороны, и генеральные конструкторы из военной промышленности — с другой, получили полную свободу рук, стали бесконтрольными».

В развитие этого ставится вопрос: «Кто же и на основе каких законов должен у нас руководить Вооруженными Силами, устанавливать в них порядки, выделять им военные ассигнования и все это проверять?»

Давайте порассуждаем вместе. Механизм принятия решений, связанных со строительством, развитием Вооруженных Сил, а тем более их использованием как вне, так и внутри государства, известен. Можно говорить о его несовершенстве, негибкости и т. д., но он есть и существовал всегда. В недавние времена этим правом обладал узкий круг политических руководителей, который не советовался не только с народом, но и с Верховным Советом, не всегда учитывал и мнение военных. Сейчас, на этапе перестройки, без решения высших органов государственной власти ни один важный масштабный вопрос не может быть реализован. Однозначно, что маршалы и генералы никогда не обладали правом на какие-либо вольности в прошлом, не обладают им теперь и не будут иметь такого права тем более в будущем.

Следующий вопрос — существует ли у нас лоббизм, представителями которого академик Г. Арбатов уверенно называет всех членов Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности? Согласно краткому политическому словарю (издание четвертое, дополненное, 1987 г.), «лоббизм — термин, обозначающий разветвленную систему контор и объектов крупных монополий или организованных групп при законодательных органах США, оказывающих давление (вплоть до подкупа) на законодателей и государственных чиновников с целью принятия решений... в интересах представляемых ими организаций».

Можно на этом поставить точку. Однако хочется добавить, что в журнале «Новое время» № 47 за 1987 г. Георгий Аркадьевич утверждал нечто обратное: «Иногда говорят: но в СССР тоже есть военные и военная промышленность. То есть тот же военно-промышленный комплекс. Я с таким мнением не согласен. Наша армия и оборонная промышленность не представляют собой силы, которая имеет свой собственный интерес, противоположный национальным интересам».

Нельзя обойти стороной и отношение военных к сокращению армии. По утверждению академика Г. Арбатова, выступая на Съезде, он предвидел, что его «предложения о более радикальном сокращении военных ассигнований получат отпор со стороны представителей военного командования».

В отличие от Г. Арбатова меня не удивляют выступления ни адмирала Чернавина, ни генерала Овчинникова. Во-первых, потому что они знают об армии не понаслышке, во-вторых, не менее горячо принимают к сердцу обсуждаемые вопросы, в-третьих, было бы более странным, если бы они промолчали и не зступили в дискуссию. В этом их прямой гражданский долг.

Как известно, оборонное строительство осуществляется в соответствии с требованиями современной советской военной доктрины и ее главного принципа — разумной и надежной достаточности для обороны. В решении этой важной задачи прямое участие принимает Министерство обороны и его главный орган — Генеральный штаб. Кроме того, военные эксперты являются непременными членами советских делегаций на переговорах в Вене и Женеве. Таким образом, если бы военные были против радикальных сокращений Вооруженных Сил и вооружений, их роль в преобразовании армии была бы не столь заметной и решающей.

Я согласен с академиком Г. Арбатовым, что объем военных расходов напрямую связан с общим состоянием и развитием экономики страны, с социальной сферой жизни народа, так как вместе с ним мы ощущаем на себе все трудности экономического положения. Однако и здесь необходимо правильно расставлять акценты.

Во-первых, военные не только не имеют преимуществ в социальных благах, но и по ряду показателей находятся на нижнем уровне их потребления. Остро стоит вопрос с обеспечением жильем. На 1 января 1990 года число бесквартирных семей военнослужащих составило около

180 тысяч. И этот показатель не только не снижается, но и ежегодно будет возрастать в связи с сокращением Вооруженных Сил и предстоящим выводом советских войск из стран Восточной Европы.

Упрек в адрес товарищей Язова, Моисеева, Чернавина и других военных руководителей за такое положение просто некорректен. Если бы Вооруженные Силы прекратили заниматься своим прямым делом и занялись строительством, вопрос с жильем был бы решен в течение ближайших нескольких лет. Но ведь каждый должен заниматься своим делом. Жилищная проблема является общегосударственной и решаться должна прежде всего советскими органами, которые недодали Министерству обороны за четыре года текущей пятилетки около 100 тысяч квартир.

Не лучшим образом дело обстоит с размером окладов военнослужащих. Наконец-то признано, что офицер, владеющий современной дорогостоящей военной техникой, получает не больше водителя автобуса или трамвая при несоизмеримо более высокой степени ответственности и интенсивности своего труда.

Решение этого вопроса за счет только внутренних резервов Министерства обороны нельзя признать целесообразным, так как его статьи расходов и так определены минимальными потребностями обеспечения обороны и не могут быть снижены без ущерба для решения этой важной государственной задачи.

Во-вторых, корень все-таки в эффективности самой экономики. От этого напрямую зависит и качество производимой военной техники, за счет чего может быть обеспечена надежная оборона в условиях сокращения общей численности Вооруженных Сил.

На этом можно было бы и закончить. Затрагиваемая область имеет много и других не менее важных оттенков, каждый из которых может служить отдельной темой для обсуждения. Военные будут признательны всем, кто и в дальнейшем примет участие в дискуссии, и считают, что закрывать этот вопрос окончательно еще рано. Деловой и конструктивный диалог, а не противопоставление армии и народа — вот та здоровая основа, которая поможет нам всем в правильном решении стоящих перед советским обществом задач на данном историческом этапе нашего развития.

(«Огонек» № 9, 1990 г.)

А ЕСЛИ БЕЗ ЛУКАВСТВА?

Известному прусскому генералу начала века Мольтке-младшему приписывают высказывание: «Молчать, если хотите со мной разговаривать!» Я рад констатировать, что наши советские генералы вроде бы перестают говорить с нами, советскими штатскими, таким языком.

Свидетельство тому — отклик на мою статью, напечатанную в пятом номере «Огонька», генерал-майора, доктора технических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР В. Медведева («Огонек» № 9 за этот год).

Генерал и лауреат уже не требует, чтобы я молчал. Он воздерживается от грубостей, а если даже и хочет сказать что-то неприятное, бросающее на меня политическую тень, то делает это не наотмашь, а «в обход», прибегая к натяжкам и подтасовкам, которые не всякий и заметит. Например, пытаясь упрекнуть меня в обелении американского империализма, выражает несогласие с «моим» утверждением о том, что в США в течение последних лет идет «кардинальное снижение» военных ассигнований; в то время как я писал, что в течение последних лет они снижаются, «хотя, на мой взгляд, как и в СССР, слишком медленно». Или, критикуя мою статью, но не приводя цитат (это понятно — их и нет), произносит гневные филиппики против тех, кто «противопоставляет армию и народ», или, оценивая военную опасность, проявляет «благодушие», «излишний оптимизм». Даже излюбленное обвинение генералов в адрес гражданских специалистов в некомпетентности он высказывает не в лоб, а «мягко», противопоставляя мне других моих военных оппонентов — генерала Овчинникова и адмирала Чернавина. Они-то, пишет В. Медведев, «знают об армии не понаслышке»¹.

¹ Чтобы закрыть этот вопрос хотя бы в отношении себя, скажу — на роль военного теоретика не претендую. Мой боевой опыт времен второй мировой войны достаточно скромнен. Хотя, думаю, он едва ли уступает афганскому боевому опыту высокопоставленного политработника Овчинникова (боевых заслуг тов. Чернавина просто не знаю). Служил я начальником разведки дивизиона реактивной артиллерии («катюш»), затем командиром батареи, заместителем командира дивизиона, помощником начальника штаба полка по разведке на Калининском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах, а демобилизован был в 1944 году как инвалид Отечественной войны II группы. Что касается компетентности в обсуждаемых в этой полемике вопросах, то изучением США, их военной политики и советско-американских переговоров о разоружении я занимаюсь более 20 лет, являюсь директором Института США и Канады АН СССР. Впрочем, к вопросу о компетентности нам в этой статье придется еще вернуться не раз.

Но это я оставляю на совести автора, я не в обиде, тем более что шаг вперед все же есть. Хотя бы в том, что генерал Медведев не требует запретить гражданским специалистам высказывать свое суждение по военным делам, а, напротив, призывает к «конструктивному диалогу».

Откликаясь на этот призыв, хочу прежде всего внести ясность в важный вопрос о динамике военных ассигнований США, о том, какая здесь в последние годы выявилась тенденция — к повышению или к снижению. А то ведь у читателя возникают недоуменные вопросы (сужу по своей почте), почему генерал Овчинников на втором Съезде народных депутатов СССР и генерал Медведев в своем выступлении в «Огоньке» приводят одни цифры, а Арбатов — другие. И делают при этом противоположные выводы: первые о росте, а второй о сокращении (пусть слишком медленном) военных ассигнований США.

Одну из причин я объяснял в своей статье в № 5 журнала. Генералы оперируют цифрами военных ассигнований в текущих, а я — в реальных, учитывающих инфляцию ценах.

Меня, честно говоря, удивляет, почему генерал Медведев просто игнорирует, не замечает этот мой аргумент.

Другая причина состоит в том, что я приводил данные официальной статистики по «бюджетным полномочиям» министерства обороны США за 1985—1989 годы. А он — статью расходов МО США за тот же период. Последние действительно росли. И на этом основании он заключает: «Как говорится, комментарии излишни».

Нет, уважаемый генерал, не излишни. Потому прежде всего, что рост расходов тоже дается в текущих ценах, искажающих картину, преувеличивающих их рост. На 1989 год — более чем в 6 раз. А главное, потому, что «бюджетные полномочия» при исследовании динамики военных ассигнований являются более показательными и точными критериями, поскольку включают и право заключать долгосрочные контракты в текущем году на будущее. То есть это — военные ассигнования, определяемые на основе сегодняшней оценки существующей обстановки и перспектив ее развития. А в статью «расходы» входит, наоборот, прошлое, расплата по принятым в предшествующие годы, в иных политических условиях военным программам и решениям. Ясно, что тенденция, обнаружившая себя в «полномочиях», выявится и в расходах, но несколько позже.

Так обстоит дело и в данном случае — рост расходов хотя и продолжался, но в течение пятилетия 1985—1989 годов резко замедлился — с 9 процентов в 1985 году до 0,7 процента в 1989 году (то есть в 13 раз). А уже в текущем году, как планируется, расходы серьезно — на 6 процентов — снизятся. То есть наблюдается та же тенденция, но с некоторым запозданием — ряд лет приходилось платить по прошлым обязательствам.

Кстати, главным аргументом Пентагона в борьбе за увеличение военных ассигнований всегда, в том числе и в эти годы, был рост советских военных ассигнований. По американским данным (советские до прошлого года не публиковались), он составлял в 1985—1989 годах 3

процента ежегодно. Лишь в прошлом году американцы зафиксировали первое за много лет их сокращение, на что тут же вынуждены были отреагировать, сократив свои расходы.

Но достаточно об этом. В ходе разветвляющегося диалога удастся без труда устранить фактические и методологические ошибки и разночтения. Но чтобы диалог стал действительно деловым и конструктивным, надо покончить с еще одной асимметрией. Речь идет о том, что военные у нас издавна сохраняют монополию на информацию, гражданским же приходится кое-как перебиваться, черпая сведения в основном из зарубежных источников, которые в случае чего легко и дезавуировать.

Потому, когда генерал В. Медведев, пусть не без сарказма, пишет: «Мы были бы очень благодарны нашим оппонентам, если бы они рассказали нам, как обеспечить надежную оборону страны при сокращении военных расходов в 1,5—2 раза», — я думаю, что задачу он перед нами ставит действительно трудную.

До самого последнего времени мы не получали от МО СССР никаких данных о своих Вооруженных Силах. А подчас и того хуже — получали сведения заведомо искаженные, вызывавшие насмешки (вроде цифры в 19—20 миллиардов рублей, фигурировавшей многие годы в бюджете в качестве расходов на оборону).

Скрывалось все — вплоть до названий своих ракет и самолетов. Даже на переговорах с американцами мы, не поморщившись, звали их натовскими кличками: «Бэкфайер», «СС-20» и т. д. Дело доходило до курьезов. В литературу об истории советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений почти как классический вошел эпизод, когда наш высокопоставленный военный выразил своему американскому коллеге претензию — зачем военным обмениваться цифрами и другими данными о военных потенциалах в присутствии гражданских лиц обеих сторон?

В чем бы ни состояли причины нашей сверхсекретности — примитивизме мышления, идущем от сталинских времен перепуге или в корысти, желании что-то важное от своих соотечественников утаить, — последствия она имела самые дурные. В глазах мировой общественности из-за этой сверхсекретности мы выглядели ужасающе подозрительными и зловещими. А американским милитаристам облегчали их нечистую игру, открывая широкий простор для любых спекуляций. Пользуясь нашим молчанием, они говорили за нас, могли приписывать нам любые количества вооружений, любые военные расходы или намерения. И под шум оглушительной пропагандистской кампании, как случилось не раз — и в 60-х, и в 70-х годах, — делать все новые рыбки в военном соперничестве. За что мы же потом и расплачивались огромными расходами на новые военные программы, которые были призваны обеспечить паритет с американцами.

Но еще много хуже было то, что важнейшее для страны и народа дело — оборона, безопасность, фантастические по размерам военные расходы — было монополизировано узкой группой генералов и генеральных конструкторов военной промышленности. Эти люди, конечно, сами не принимали решений по сколько-нибудь масштабным, как пи-

шет В. Медведев, вопросам. Решения принимались узкой группой не очень далеких и не очень информированных политиков, иногда по собственной инициативе, а чаще — по подсказке военных. В обстановке секретности никто ничего поперек их желания сказать просто не мог.

В последнее время, уже в годы перестройки, положение начало исправляться — кое-что рассекречивают. Но процесс этот идет медленно и нерешительно.

Что он нам пока, на сегодняшний день, показал?

Во-первых, что во многих случаях самые завышенные, как, во всяком случае, мне казалось, противоречащие здравому смыслу цифры о количестве нашего оружия, приводившиеся американскими милитаристами и антисоветчиками, оказывались, увы, близкими к истине.

А, во-вторых, что и после решения политического руководства о ликвидации «излишков» в сфере секретности наши военные товарищи очень неохотно перестают таить правду, ее из них надо выдавливать по капле, притом «правда» эта непрерывно меняется, одно заявление противоречит другому, что изрядно подрывает доверие к тому, что они говорят. Тем более что основной массив информации остается по-прежнему секретным, включая и ту его часть, которую таить от общественности можно лишь по инерции или для удобства военного и военно-промышленного руководства, а не ради безопасности страны.

Вот этими двумя обстоятельствами объясняется, кстати, и тот факт, что за последние годы мои взгляды на некоторые вопросы изменились (в этом меня генерал Медведев тоже упрекает). И, в частности, я не могу уже отрицать существования у нас в Советском Союзе военно-промышленного комплекса, который начинает жить своими интересами, мало считаясь с интересами страны. В свете новых, ставших за это время известными фактов я просто убедился, что раньше некоторым нашим ведомствам чрезмерно доверял.

Чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера историю Красноярской радиолокационной станции. О ней поначалу просто молчали. Когда это стало невозможным, принялись твердить неправду: что единственное ее назначение — наблюдать за спутниками. Вот, мол, достроим, и вы все увидите, убедитесь, что нарушения Договора по противоракетной обороне нет. В результате не только ввели в заблуждение общественность, но и заставили политическое руководство повторять неправду. А в США, где правду знали, ослабили позиции противников «звездных войн», сторонников Договора по ПРО. И все это, чтобы в конце концов признать нарушение Договора и отказаться от строительства, понеся многомиллионные убытки!

Не меньше дезинформации нагромождалось вокруг вопроса об оружии средней дальности в Европе. Сначала (в течение многих лет) утверждали, что по этому оружию в регионе есть примерное равенство, а по боезарядам НАТО нас даже превосходит в полтора раза. Потому, пойдя мы на «нулевой вариант», другая сторона получила бы двойное превосходство по носителям и тройное по боезарядам (это довод из нашего официального военного издания «Откуда исходит угроза миру», со-

крайне «ОИУМ», 1982, с. 87). А когда опубликовали правительственные данные по оружию средней и меньшей дальности, то оказалось, что для достижения «абсолютного паритета», то есть нуля, нам надо сократить в 3,5 раза больше, чем американцам, боеголовок и в 2 раза больше ракет.

Еще более поразительные вещи происходили с подсчетами баланса обычных вооружений, в частности в Европе.

Долгое время нас уверяли, что здесь существует примерный паритет. Примерно одинакова, в частности, численность вооруженных сил. До 1985 года Министерство обороны СССР также утверждало, что у ОВД и НАТО существует «примерно равное количество танков» («ОИУМ», 1984, с. 78). Не говоря уже обо всем остальном. А потом выяснилось иное — что у нас больше военнослужащих, равно как почти всех видов оружия. А вот насколько больше — в этом нас снова долго и усердно водили за нос. В начале 1988 года, в преддверии переговоров в Вене, сказали, что у Организации Варшавского Договора на 20 тысяч танков больше, чем у НАТО, есть равенство по артиллерии, но зато у Запада превосходство в ударных самолетах — на 1400 штук. А все вместе — опять паритет. Менее чем через год опубликовали новые данные, согласно которым превосходство ОВД в танках уже выросло до 30 тысяч и «появилось» превосходство в 15 тысяч орудий по артиллерии. И это снова было названо примерным паритетом (ох уж этот примерный паритет!). Еще через 3 месяца, в апреле 1989 года, один из наших руководящих деятелей заявил, что у ОВД 80 тысяч танков, а у НАТО — 40 тысяч танков (последнее, кстати, НАТО отрицает). Но если послушать генерала В. Медведева, то и это вроде бы паритет — он называет это «примерным равновесием». Генерал упрекает меня в том, что я акцентирую внимание на нашем превосходстве в танках, не учитывая превосходства США в ударных самолетах тактической авиации и по военно-морским силам.

Вот ведь какое лукавство! С помощью таких манипуляций всегда найдешь предлог уйти от вопроса и черное назовешь белым. Я веду спор о том, что тратим мы на оружие и армию уйму лишних средств. И во многих областях имеем большое, ненужное нам превосходство. Значит, расходы можно сокращать. А генерал Медведев, подменяя предмет разговора, подбрасывает вопросик: а у них ведь больше ударных самолетов тактической авиации (наверное, и впрямь больше, если только другая сторона, в чем я не уверен, согласится с такой классификацией самолетов; но и при этом она сможет сказать, что ОВД, по нашим собственным данным, имеет в 36(!) раз больше, чем НАТО, самолетов-перехватчиков). И в заключение выбрасывает «козырную карту» — а ВМС? Это серьезный вопрос. По крупным кораблям у США и НАТО действительно большое преимущество. И они должны согласиться на переговоры и по этому вопросу.

Но ведь рассматриваемой темы это не снимает. Если американцы

бесчинствуют с морскими вооружениями, разве это оправдывает наше поведение с сухопутными? Да и кому хуже оттого, что мы расходует фантастические средства на создание лишних наземных вооружений, — США или нам? Ответ, по-моему, очевиден. Чтобы устранить свое превосходство, сравняться с уровнем Запада, тем более если удастся добиться соглашения о сокращении вооружений на венских переговорах, нам и нашим союзникам придется уничтожить горы оружия — около сорока тысяч танков, десятки тысяч бронетранспортеров и артиллерийских орудий, тысячи самолетов и вертолетов — в целом втрое больше единиц оружия, чем НАТО. И я предвижу, как наши военные и военно-промышленные руководители начнут жаловаться на «неоправданные уступки», что может произвести впечатление на неискушенных людей; но не уверен, будет ли задан встречный вопрос: а почему мы построили втрое больше оружия и кто ответит за это перед народом? В каждую из этих «единиц» ведь вложены деньги, материалы, труд и интеллект наших рабочих, инженеров, ученых. Как бы все это пригодились для решения наших острых экономических и социальных проблем, повышения более чем скромного, недостойного такой богатой страны, как наша, уровня жизни народа!

И говорили мы до сих пор только о «верхушке айсберга», о том, что соблаговолили нам наконец открыть. А что еще скрыто? И до каких пор оно будет оставаться скрытым?

У меня в этой связи много вопросов к военным товарищам. Понимаю, что не все могу задать публично. Но кое о чем все же спросить рискну.

Первый вопрос — об авианосцах. Как я понял из статьи в газете «Правда» осенью 1989 года и опубликованных в том же номере разъяснений адмирала В. Чернавина, мы строим три авианосца (два спустили на воду) или, как их называли, поправляя адмирала на следующий день, «тяжелых авианесущих крейсера». Сколько они будут стоить?

Так как и это у нас, видимо, секрет, приведу американские данные об их авианосцах (там это не секрет). Так вот, стоит в США сегодня авианосец более 3 миллиардов долларов. А вместе с палубной авиацией и кораблями сопровождения (все вместе это составляет «авианосную группу») — 18 миллиардов долларов. Более чем 3 миллиарда стоит ежегодно содержание такой группы. Умножьте все это на три. Ну ради чего мы в такое тяжелое для страны время, тем более в довольно благоприятных международных условиях, втягиваемся в подобные расходы? Хотел бы услышать от военных товарищей ответ на этот вопрос.

Второй вопрос — о количестве производимого оружия. Это у нас пока тоже большой секрет. Поэтому приведу следующую таблицу из официального американского издания «Советская военная мощь: перспективы перемен 1989 г.» («Soviet military Power: Prospects for Change») о производстве в СССР основных видов военной техники в 1988 году (знаю, что в прошлом году производство многих из них было существенно сокращено, говорили даже на сколько — но от какой базы?).

Типы боевой техники	СССР	всего ОВД	США	всего НАТО
Танки	3500	4200	775	925
БМП и БТР	5250	5850	1000	1950
Полевая артиллерия	2000	2700	225	275
Системы залпового огня	500	550	48	53
Артиллерия ПВО	100	175	0	170
Бомбардировщики	45	45	22	22
Истребители (штурмовики)	700	710	550	750
Вертолеты	400	525	375	575
Крупные надводные корабли	9	9	5	11
Подводные лодки	9	12	3	13
Межконтинентальные баллистические ракеты	150	150	19	19
Баллистические ракеты на подводных лодках	100	100	0	10
Ракеты средней дальности	50	50	0	5
Ракеты малой дальности	450	450	0	0
Крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) большой дальности	200	200	280	280
КРБМ малой дальности	900	900	400	550

И опять попрошу военных товарищей ответить: верны эти цифры или нет? Или как минимум сказать: когда эти и другие подобные данные будут открыты для советского парламента и для советской общест-венности, как это уже давно делается в большинстве других цивилизо-ванных стран? Через год? Через 10 лет? Или к 3000 году?

Отвечаю этим на еще один упрек, который бросает мне генерал В. Медведев: в 1990 году американцы запланировали израсходовать на вооружения 115,7 миллиарда долларов, а мы — всего 44,2 миллиарда рублей. «Цифры, — пишет он, — говорят сами за себя». Нет, многоуважа-емый генерал, сами за себя они не говорят. Чтобы говорили, они долж-ны быть не только верными, но и сопровождаться ценами на каждый вид изделия. Почему у нас сегодня танк? Или баллистическая ракета? И почему они у американцев? Вопрос этот тем более существенный, что цены ведь у нас устанавливаются искусственно, самим правительством.

Третий вопрос. Известно, что в прошлом году Аэрофлот не смог перевезти из числа желающих более 20 миллионов пассажиров — в основном из-за отсутствия горючего. Между тем, как я слышал от специалистов, военная авиация сожгла в прошлом году чуть ли не втрое больше горючего, чем весь Аэрофлот. Правда это или нет?

Из многих одолевающих меня еще только один, последний вопрос: правда ли, что у нас генералов и адмиралов в несколько раз больше, чем в США, что у нас один генерал приходится на 700 военнослужащих, а в США — на 3400? Может быть, можно рассекретить хоть эти цифры? И почему у нас, судя по опубликованным недавно данным, такая запутанная структура Вооруженных Сил — не для увеличения ли числа генеральских должностей?

Число генералов имеет прямое отношение к наболевшему вопросу о социальных благах и привилегиях военного начальства (Вооруженные Силы скрывают их особенно усердно даже от соответствующей Комиссии Верховного Совета — знаю это от своих коллег-депутатов). И зря товарищ В. Медведев пытается утопить этот вопрос, смешав его с вопросом о тяготах, которые приходится терпеть советским военнослужащим. Многие из них действительно бедствуют, не имеют жилья, лишены элементарной социальной защищенности. Это наш общий и прежде всего Министерства обороны стыд и позор. Об этом, напомню, я говорил на Съезде, пытаясь предложить и пути скорейшего решения проблем — за счет сокращения какой-то части расходов на вооружения.

В. Медведев с этим не согласен. За счет средств Министерства обороны эти вопросы решать нельзя, пишет он, «так как его (этого министерства) статьи расходов и так определены минимальными потребностями обеспечения обороны». Так ли уж и определены? И действительно ли минимальными? Начальник Генерального штаба генерал М. Моисеев в своем интервью газете «Известия» 23 февраля сего года высказывает иную точку зрения: «У Вооруженных Сил огромный резерв экономии денежных и других средств за счет более рационального хозяйствования». Не знаю, что он конкретно имеет в виду, но уверен, что Министерству обороны есть на чем экономить. Экономить не миллионы, а миллиарды.

Со своей стороны предложил бы, например, такой вариант решения жилищной проблемы офицеров и прапорщиков. Число бесквартирных семей военнослужащих, как пишет генерал Медведев, составляет 180 тысяч. 2—3-комнатная кооперативная квартира стоит в среднем от 15 до 20 тысяч рублей. Значит, на 180 тысяч квартир нужно 1,5—2 миллиарда рублей. Если наш авианосец даже вдвое дешевле американского — одного из трех как раз хватит. А с учетом палубной авиации и кораблей сопровождения с лихвой хватит и на 100 тысяч квартир для военнослужащих, передислоцированных из стран Восточной Европы.

Ослабит ли это безопасность страны? Уверен, что нет. Наоборот укрепит, так как улучшится моральное состояние да и здоровье 180 тысяч офицеров и прапорщиков — а ведь и в военных делах человеческий фактор имеет первостепенное значение.

В общем, чем больше думаешь, тем больше утверждаешься в выводе — считать деньги, думать не только о ведомственных, но и о народных интересах наши генералы и генеральные конструкторы не научились. Оружия разного вида созданы горы — иногда складывается впечатление, что создатели его сегодня даже не знают, куда его деть.

Эти огромные завалы оружия, в значительной части ненужные, видимо, даже не поддающиеся должному учету (попавший в печать факт об эшелоне «забытых» на железнодорожной станции в Калуге пушек, наверное, не единичен), создали благоприятную для злоупотреблений, даже преступлений, почву.

Риску высказать предположение, что это наряду с подводными лодками, которые горят и тонут, самолетами, которые сами летают без пилотов, «дедовщиной» и многим другим — учащающиеся симптомы серьезной болезни наших Вооруженных Сил, всего военно-промышленного комплекса. Я бы назвал ее, эту болезнь, гигантизмом, осложняемым отрывом от реальных возможностей и потребностей страны и постепенным выходом из-под контроля общества. Излечить эту болезнь может только перестройка — перестройка не только во всем нашем обществе, но и в гигантской империи военной промышленности, а также, конечно, перестройка в Вооруженных Силах. Не должны у нас они превращаться в своего рода «государство в государстве».

И прежде всего восстановление контроля общества над Вооруженными Силами и военной промышленностью. Это, судя и по статье генерала В. Медведева, очень неудобный, даже неприятный для военного начальства вопрос. Он попросту пытается его «заговорить». «Давайте порассуждаем вместе», — пишет он. — Механизм принятия решений, связанных со строительством, развитием Вооруженных Сил, а тем более их использованием как вне, так и внутри государства, известен». Далее, нехотя признавая, что «раньше все решал узкий круг политических руководителей» (военные руководители, заметьте, ни при чем), он рисует картину уже наступившего полного благополучия, лишаящего маршалов и генералов права «на какие-либо вольности».

И ни слова по существу механизмов, которые обеспечили бы демократический политический контроль над вопросами огромной важности для народа — войны и мира, использования львиной доли промышленности и науки, бюджета, самых ценных природных и человеческих ресурсов, применения Вооруженных Сил за рубежом и внутри страны. Это, как он заявляет, «известно», и сегодня без решения высших органов ни один крупный вопрос не решается.

Более высокопоставленные военные руководители развивают эту тему подробнее. Например, Д. Т. Язов рассказывает, что «для выработки концепции строительства Вооруженных Сил в 1991—1995 годах и на период до 2000 года образована специальная комиссия» в составе представителей Верховного Совета СССР и других учреждений. А генерал М. Моисеев утверждает, что «буквально каждый рубль, целесообразность его использования прошли гласное и открытое обсуждение на Совете Обороны, в ЦК партии, в Комитете Верховного Совета СССР по вопро-

сам обороны и государственной безопасности, на сессиях Верховного Совета».

Если это правда — я рад. Но я об этом узнаю с их слов впервые, мне об этом до сих пор ничего не было известно. Хотя я член ЦК КПСС и народный депутат СССР, председатель одного из подкомитетов Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. Со всей ответственностью утверждаю — я не только не участвовал в таких обсуждениях, но даже и не слышал, чтобы, во всяком случае, в Верховном Совете СССР и его комитетах, военный бюджет на 1990 год всерьез рассматривался. Не говоря уже о «каждом рубле».

Не внушает большого оптимизма и работа Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности. Генерал В. Медведев может, как он хочет, передергивать мою мысль и приводить любые цитаты о значении слова «лоббизм» из политических словарей, но дела это не меняет — нет другого парламента в мире, в котором добрую половину такого комитета составляли бы представители руководства военного ведомства и военной промышленности. Как нет и другого парламента, в котором вообще заседало бы такое количество генералов (одних заместителей министра обороны 14 из 15) и руководителей крупнейших военно-промышленных фирм.

Нет, дело здесь совсем не так благополучно, как пишет В. Медведев, как пытаются нас убедить генералы Язов и Моисеев. Механизмы принятия решений, демократического контроля в этой важнейшей для народа и государства сфере, необходимые законы и процедуры еще только предстоит создать.

Еще один важный вопрос — об оценке военной угрозы. Это, собственно, центральный вопрос для всех решений в области обороны: об асигнованиях, программах вооружений, размерах Вооруженных Сил. И здесь, как явствует и из статьи В. Медведева, у некоторых военных деятелей своя, особая точка зрения.

Генерал выражает, в частности, свое несогласие с моим утверждением о том, что «новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности». Это, мол, может вызвать «благодарушие», это «излишний оптимизм». Серьезные обвинения. Но спорит он здесь отнюдь не со мною, не с моей статьей, а с нашей новой политикой. Если не снизилась военная опасность, разве можно в одностороннем порядке сокращать на полмиллиона армию, пускать на металлолом десять тысяч танков и множество другого оружия? Конечно, я бы без труда мог сразить генерала цитатой из недавнего интервью М. С. Горбачева газете «Правда»: «В мировую и европейскую политику включены такие мощные силы, что реальная военная опасность существенно ниже, идет процесс формирования принципиально новой системы международной безопасности».

Но дело в конце концов не в цитатах — то, что международная обстановка за последние годы изменилась, а военная опасность снизилась, ясно каждому, кто живет с открытыми глазами, читает газеты, слушает радио, интересуется тем, что происходит вокруг.

Так почему же этого не видят, не признают некоторые высокопоставленные военные (кстати, не только наши, но и американские — здесь тоже «зеркальное» отражение, порожденное, возможно, сходством ведомственного интереса)?

Мой критик, видимо, понимает, что этот вопрос возникает у каждого его читателя. И спешит потому заверить, что армия «имеет достаточно возможностей для получения полных данных не только об истинном состоянии военных потенциалов каждого отдельно взятого капиталистического государства, но и о перспективных планах их военных союзов». «Поэтому, — восклицает он, — заподозрить в необъективности и некомпетентности военных трудно».

Хотелось бы, чтобы дело обстояло так. Но пока это не звучит убедительно. Почему один генерал за другим строит выводы о динамике военных расходов другой стороны скорее по темпам инфляции, чем по реальным ассигнованиям? И почему министр обороны СССР Д. Т. Язов в интервью «Правде» от 23 февраля сего года повторяет уже подержанную критику подсчеты маршала С. Ф. Ахромеева с оценкой численности американской регулярной армии? В нее последний зачислил 1155 тысяч резервистов и членов национальной гвардии США. Неужто министру обороны не сообщили, что цифры эти неверны, что они превышают численность американских военнослужащих на целую треть? И если бы американцы считали так же, как С. Ф. Ахромеев, численность Советских Вооруженных Сил, они имели бы все основания к заявленным нами 3,99 миллиона добавить 200 тысяч пограничных войск (эта цифра недавно была обнародована. Поскольку по другим пунктам советских данных нет, даю здесь и далее оценку уважаемого специалистами Лондонского Международного института стратегических исследований), 340 тысяч внутренних войск, 540 тысяч железнодорожных и строительных войск, а также 5,5 миллиона человек, состоящих в резерве первой очереди. Если цифры неверны, то пусть, как говорится, военные товарищи меня поправят, но, по методике тов. С. Ф. Ахромеева, у нас получается уже регулярная армия в 10,6 миллиона человек!

Что это — некомпетентность или необъективность? Или просто ведомственное лукавство, попытка завесить военную угрозу, чтобы получить больше денег, оружия, людей? И то, и другое, и третье сейчас неуместно. Слишком сложный, слишком трудный для таких игр период переживает страна.

Думаю, что нельзя давать монополию военным на оценку угрозы войны. Так же как, разумеется, нельзя производить эту оценку без учета их мнения. В этом, как и многих других вопросах, действительно нужен диалог военных и гражданских специалистов. Включая даже их специальные аспекты — например, степень вероятности большой «обычной» (то есть осуществляемой обычными вооружениями, без применения ядерного оружия) войны между СССР и США. Мне она представляется столь же немислимой, как схватка слона с китом, но наши военные, так же как и некоторые американцы, считают ее вполне возможной, на этом стоят, этим оправдывают множество крайне дорогостоящих воен-

ных программ. Я думаю, вопрос этот надо серьезно, притом публично обсуждать и внутри страны, и в наших контактах с американскими парламентариями, специалистами и представителями общественности. То же самое относится к другим сценариям, которые пугают военных (или которыми они пугают нас), — например, о возможности создания оружия, выводящего из строя электронику и делающего поэтому беззащитной жертву агрессии.

Стоит в повестке дня и более широкий вопрос: выявить, какое место и удельный вес военная опасность занимает среди прочих угроз безопасности страны (в одном из Комитетов Верховного Совета СССР, руководимом академиком Ю. А. Рыжовым, был подготовлен интересный документ, исследующий некоторые подходы к решению этой задачи). Думаю, что здесь особенно нетерпимы попытки претендовать на свой ведомственный приоритет в решении этой задачи и на этом основании устанавливать свою монополию на патриотизм (ведь даже в словаре нашем есть только «военно-патриотическое воспитание» и нет «гражданско-патриотического»). Стране угрожает сегодня — это, конечно, мое личное мнение, и я не претендую на его бесспорность — скорее не военная опасность, а угроза развала экономики и экологических катастроф, усиление социальной и национальной напряженности. Чтобы их, эти угрозы, отвратить, нужны дорогостоящие программы, которые теперь должны конкурировать с военными при рассмотрении бюджета. Имея при этом не меньше оснований ждать внимательного к себе отношения как к программе патриотической, нужной Отечеству.

В заключение рискну все-таки откликнуться на призыв генерала Медведева и, как он пишет, «подсказать» — без всяких претензий на абсолютную истину, конечно, — как обеспечить надежную оборону страны при сокращении военных расходов в 1,5—2 раза.

Во-первых, за счет новых политических подходов и установок, дальнейших усилий в политике мира и разоружения, к которой генерал относится с неоправданным пренебрежением.

Во-вторых, за счет эффективной военной реформы. Надо, наконец, перестать браниться и всерьез эту проблему обсудить. Отказавшись от неверных, тенденциозных рассуждений о том, что она нам не по карману. Рассуждения эти вызывают лишь все новые сомнения — ну как может наш начальник Генерального штаба, споря против идеи профессиональной армии, в два раза завышать в цитиrowанном интервью расходы США на содержание личного состава вооруженных сил США? Пентагон тратит на эту статью не свыше 50%, как утверждает генерал, а 26—27% своих ежегодных расходов. А до перехода на профессиональную армию тратил, кстати сказать, 38%. Вот чего стоят рассуждения о том, что для нас содержание профессиональной армии обошлось бы в 5—8 раз дороже, чем сейчас (кстати, Д. Т. Язов буквально в тот же день, только в «Правде», а не в «Известиях», привел другую цифру — как минимум в три раза; не говорит ли этот разноречивый сам по себе о сомнительной точности таких подсчетов?).

В-третьих (и это непосредственно связано с реформой), за счет переноса упора с количества на качество, отказа от установки на огромные количества оружия, на огромную армию. Мы, имея наряду с самыми совершенными видами оружия, в том числе оружия массового уничтожения, четырехмиллионные Вооруженные Силы, как-то забываем о том, что после гражданской войны и до 1927 года защиту наших границ (притом во враждебном окружении) обеспечивала 500-тысячная, а до 1937 года — менее чем полуторамиллионная Красная Армия. И уж как получилось, что даже для ограниченной по размерам январской операции в Баку этой огромной армии не хватило и пришлось призывать резервистов, — я просто отказываюсь понимать. Дело, наверное, все же не в количестве, а в качестве — в данном случае в качестве управления.

Мы смогли убедиться, что и в военном деле большие количества и высокое качество несовместимы (во всяком случае, при наших технических и экономических возможностях). Весь наш опыт, начиная с опыта Отечественной войны, при этом свидетельствует, что качество важнее. Особенно сегодня, когда мы имеем дело с очень сложной военной техникой. В моей депутатской почте немало писем военнослужащих, жалующихся на то, что качеством вооружений в погоне за количеством у нас продолжают пренебрегать. Я не готов согласиться с авторами одного из них, обвиняющими военное руководство и военную промышленность в «противоправных сделках», утверждающими, что «в основу деятельности военно-промышленного комплекса заложена безнравственная философия: войны не будет, а если будет, то не останется ни ответчиков, ни истцов». Но подозрения эти рождаются на почве реальных фактов. И главный из них — такие количества нам просто не под силу (как, впрочем, и американцам, которых непомерные военные расходы за какие-нибудь десять лет сделали самым большим в мире должником и подорвали их конкурентные позиции на мировом рынке).

Вносилось нашими специалистами и много других предложений о том, как сократить военные расходы, не жертвуя обороноспособностью, наоборот, укрепляя ее. Ибо надежная оборона нам остается необходимой и в будущем — более надежная и менее дорогая, чем сегодня.

Пора уже начать широко и не келейно обсуждать пути ее обеспечения (кстати, это делалось у нас в 20-х годах и даже делалось в Государственной думе до революции, хотя царская Россия никогда не была эталоном демократизма). Страна, ее безопасность, наши Вооруженные Силы от этого только выиграют.

У меня вызывают недоумение попытки изобразить в виде шельмования (армии ли, партии или правительства) любое проявление гласности, саму нарождающуюся практику задавать вопросы и критиковать. Я хорошо представляю себе, что критика и гласность приносят неприятные ощущения, дискомфорт — мне, как и другим ученым, это не раз приходилось испытывать на собственной шкуре. Но мы не поднимаем крика о «шельмовании», не просим «обуздать» средства массовой инфор-

мации, не ищем защиты у руководства. Может быть, дело в том, что гласность особенно болезненно может восприниматься с непривычки теми, кто раньше был от таких переживаний надежно огражден? Но знаем мы и другое — как дорого обошлись стране, обществу зоны, закрытые от критики. И не только стране, но и тем, кто был огражден от свежего ветра гласности и потому начинал серьезно болеть.

Думаю, что по существу ответил в настоящей статье на «критический залп», выпущенный по мне маршалом С. Ф. Ахромеевым («Красная звезда», 8.04.1990 г.) и генерал-майором Г. Кириленко («Литературная Россия» и «Красная звезда», 21.03.1990 г.), — во всяком случае, по существу их основных аргументов.

Что касается формы, личных выпадов, фраз и даже элементов выдержанного в лучшем стиле сталинских времен политического доноса, то это я оставляю на совести авторов.

Не хотел бы, чтобы эта моя статья была понята военными товарищами как вызов, как конфронтация. Я исхожу из того, что есть немало вопросов, совместное, уважительное обсуждение которых было бы полезным. Я исхожу из того, что у нас есть чему поучиться друг у друга. Я исхожу из того, что все мы честные советские люди, которые хотят одного и того же — процветания Родины и ее безопасности от всех внешних и внутренних угроз и, конечно, блага для наших Вооруженных Сил, их успешной перестройки.

Если товарищи с этим согласны, давайте переходить от конфронтации и взаимных обвинений к честному, принципиальному и доброжелательному диалогу. Без всякого лукавства.

(«Огонек» № 17, 1990 г.)

КТО ЖЕ КРИВИТ ДУШОЙ?

По поводу статьи академика Г. Арбатова «А если без лукавства?»

Журнал «Огонек» № 17 за 1990 год опубликовал большую статью академика Г. Арбатова «А если без лукавства?». В ней академик вступил в спор по принципиальным, крупным вопросам, как он пишет, «с генералами», а фактически с военным руководством нашей страны. Не с какими-то конкретными лицами (конкретные лица в статье, в частности генерал В. И. Медведев, — это только фон), а именно с руководителями армии и флота. В статье четко проводится линия, что в вопросах, касающихся обороны страны, военным руководителям верить нельзя. Вот только некоторые высказывания автора публикации в журнале:

«...До самого последнего времени мы не получали от МО СССР никаких данных о своих Вооруженных Силах. А подчас и того хуже — получали сведения, заведомо искаженные, вызвавшие во всем мире насмешки (вроде цифры в 19—20 миллиардов рублей, фигурировавшей многие годы в бюджете в качестве наших расходов на оборону)...». «Сейчас нашим генералам легче сказать что-то своим американским коллегам, чем советским специалистам или представителям общественности...». «Но еще много хуже было то, что важнейшее для страны и народа дело — оборона, безопасность, фантастические по размерам военные расходы, — было монополизировано узкой группой генералов и генеральных конструкторов военной промышленности. Эти люди, конечно, сами не принимали решений по сколько-нибудь масштабным вопросам. Решения принимались узкой группой не очень далеких и не очень информированных (а часто теми же генералами и генеральными конструкторами, очень дезинформированными) политиков, иногда по собственной инициативе, а чаще по подсказке военных. В обстановке секретности никто ничего поперек их желания сказать просто не мог».

Можно было бы продолжить цитирование подобных утверждений, статья ими переполнена.

Позвольте высказать несколько предварительных замечаний. С академиком Г. А. Арбатовым знаем друг друга с 1974 года. Неоднократно

выступали вместе и всегда с единых позиций в полемике с конгрессменами и сенаторами США, с другими представителями американской общестственности. Мало того, он входил вместе со мной в группу экспертов на переговорах с администрацией США в Рейкьявике в октябре 1986 года по вопросам ядерных и обычных вооружений. Ему тогда были известны как наши официальные позиции, так и данные о советских ядерных вооружениях, соответствующих американских вооружениях и соотношениях сил между СССР и США по ним. До недавнего времени (по крайней мере до того, как я закончил работу в Генеральном штабе в конце декабря 1988 года) мы в ряде случаев вместе анализировали состояние советско-американских отношений, готовили по отдельным вопросам доклады руководству КПСС и государства. Утверждать, как это делает в своей статье академик Г. Арбатов, что он был недостаточно информирован, не знал действительного состояния дел, например, с военным бюджетом, с ядерными средствами средней дальности, с соотношением сил в Европе и по другим вопросам, значит, заведомо говорить неправду. Состояние дел по многим важным военным проблемам он, конечно же, знал, но был тогда согласен с оценкой, которую давали, в том числе и военные, или по крайней мере против этих оценок не возражал. Почему? Ведь в 70—80-е годы, как и сейчас, он имел доступ к руководству, часто выступал в печати. Но в те годы его устраивала позиция, сходная с позицией военных. Поворот, причем в противоположную сторону, в его воззрениях произошел в последние год-полтора.

Сегодня же академик (уверен, что не случайно) возлагает ответственность на военное руководство за те решения и действия, которые никак военным не свойственны. Внешнеполитическую линию Советского Союза в 70—80-е годы определяло не военное руководство. Как правило, позиции по всем принципиальным вопросам вырабатывались Министерством иностранных дел, Комитетом государственной безопасности, Министерством обороны и Внешнеполитическим отделом ЦК КПСС и вносились в Политбюро ЦК КПСС А. А. Громыко, Ю. В. Андроповым, А. А. Гречко (после его смерти — Д. Ф. Устиновым) и Б. Н. Пономаревым. Утверждение, что среди этих четырех руководителей доминировал военный, было бы неправдой. Решения ими принимались коллегиально, по наиболее важным вопросам — после тщательной подготовки и обсуждения. Другое дело, что сама наша внешняя политика до 1986 года была преимущественно политикой противоборства с США (что является следствием действий как США, так и СССР). Меру ответственности каждой страны рассудит история. Конечно, за такую, далеко не лучшую, как показала жизнь, внешнюю политику несут ответственность с советской стороны в первую очередь Л. И. Брежнев и перечисленные выше бывшие руководители государства. Но возлагать все на них было бы неверным.

Свою долю ответственности несем и мы, военные. Мы отвечали за оборону страны. Когда добивались больших ассигнований на оборону в связи со складывающейся в мире военно-политической обстановкой, нас можно было понять. Что тогда происходило в США? Президент

Р. Рейган объявил Советский Союз «империей зла», военные ассигнования в США с 1980 по 1985 год выросли почти в два раза — со 160 до 300 млрд. долларов в год. Это было время ярко выраженного антисоветизма и невиданной ранее милитаризации США. Не следует валить ответственность за все это только на Советский Союз. Сейчас у нас таких исследователей немало. Тогда же на действия США нужно было реагировать.

Но в не меньшей степени за внешнюю политику в период 1970—1985 годов отвечают и такие работники, как Г. А. Арбатов. Ведь директором Института США и Канады он является уже свыше двадцати лет. Все эти годы он был вхож со своими предложениями и к Л. И. Брежневу, и к Ю. В. Андропову, и к другим руководителям. По его поездкам в США (их было за эти годы много десятков), аналитическим запискам и докладам в определенной степени тоже формировалась внешняя политика тех лет. Многие читали доклады академика Г. А. Арбатова о перспективах советско-американских отношений, и далеко не все из этих докладов выветрилось из памяти. И совсем нередко в них были изложены мысли и выводы, угодные на тот момент руководству.

И еще. Военные в 70—80-е годы по мере возможности информировали общество о состоянии Вооруженных Сил в пределах, установленных тогда законом. Больше не могли. А теперь вот иногда получается в период-то гласности по-другому. Академику Г. Арбатову «Огонек» отдает свои полосы, а мне, Маршалу Советского Союза, — «от ворот поворот». Где уж от «Огонька» добиться генералу или офицеру своей публикации, если он высказывает неугодные этому журналу мысли. Таковы пределы гласности. И уж совсем не к месту Г. А. Арбатову приписывать «генералам» ведущую роль в формировании и раскладке по ведомствам бюджета. Военные всегда говорили, что наш военный бюджет (19—20 млрд. рублей) был предназначен только для содержания армии и флота, и никого при этом не обманывали. Военный бюджет — дело государственное. Он формировался Политбюро ЦК КПСС, правительством при участии, но отнюдь не по указке военных.

Перейдем к рассмотрению конкретных данных, приведенных в статье Г. Арбатова. Автор, говоря об оружии средней дальности в Европе, утверждает, что вокруг этого вопроса военным руководством нагромождено много дезинформации. Восстановление истины заставляет меня обратиться к объективным данным. По состоянию на октябрь 1986 года соотношение сил по носителям ядерного оружия средней дальности было примерно равным, а по ядерным боеголовкам — в 1,5 раза в пользу НАТО. Советский Союз имел 373 пусковые установки РСД и 859 ядерных зарядов, 595 самолетов и 1303 ядерных заряда. Итого — 968 средств средней дальности и 2162 боезаряда к ним. Блок НАТО имел 510 пусковых установок РСД и 910 ядерных зарядов, 624 самолета и 2388 ядерных зарядов. Итого — 1134 средства средней дальности и 3298 боезарядов. Тогда наша позиция (я убежден и в этом сегодня) была справедлива. В оружии средней дальности учитывались соответствующие как баллистические ракеты, так и самолеты сторон. Те и другие несут ядерное оружие соответствующего класса и, следовательно, являются реальной

ядерной мощью. На стороне блока НАТО в Европе мы брали в расчет средства средней дальности не только США, но Великобритании и Франции. Средства этих стран — также реальность. Они размещены в Европе. Где тут дезинформация?

Договоренности с США, Великобританией и Францией тогда не получилось. Переговоры — процесс двусторонний. В течение 1986—1987 годов советским руководством после длительных обсуждений и раздумий было принято политическое (подчеркиваю, политическое) решение согласиться с тем, чтобы вынести за рамки переговоров средства Великобритании и Франции, также авиацию средней дальности. Это было очень нелёгкое для нас решение, к которому в конечном итоге пришли политическое и военное руководство вместе. Оно было с нашей стороны серьезной уступкой. Но на определенные уступки пошли и США. Вот почему примерное равенство по оружию средней дальности превратилось в наше двойное превосходство по ракетам, и нам пришлось их ликвидировать больше. Все это академик прекрасно знает. Но правда о том, как мы в действительности шли к Договору по РСМД между Советским Союзом и США путем взаимных уступок и нахождения взаимоприемлемых решений, не дает ему возможности уличить и побольнее ударить «генералов-дезинформаторов». Тогда он идет на то, чтобы правду как-то скорректировать.

Теперь о «заблуждениях» автора в вопросе о соотношении вооруженных сил НАТО и ОВД в Европе. Проблема действительно сложная. Над ее решением долго работали. Но оценка соотношения этих сил была сделана, и 30 декабря 1988 года Комитетом министров обороны Варшавского Договора официальные данные были опубликованы. Вот некоторые данные, характеризующие военную мощь двух союзов в Европе на 1 июля 1988 года:

	ОВД	НАТО
Общая численность вооруженных сил (тыс. человек)	3.573.1	3.660.2
Боевые самолеты фронтовой (тактической) авиации ПВО и ВМФ (ВМС)	7.876	7.130
В составе самолетов фронтовой (тактической) авиации ВВС и авиации ВМФ (ВМС) всего ударных самолетов (бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, штурмовики)	2.783	4.075
Боевые вертолеты, в том числе ВМФ (ВМС)	2.785	5.270
Пусковые установки тактических ракет	1.608	136
Танки	59.470	30.690

Продолжение

	ОВД	НАТО
Противотанковые ракетные комплексы	11.465	18.070
Боевые машины пехоты и бронетранспортеры	70.330	46.900
Реактивные системы залпового огня, орудия (калибра 75 мм и выше), минометы (калибра 50 мм и выше)	71.560	57.060
Подводные лодки (кроме ПЛ со стратегическими баллистическими ракетами)	228	200
в том числе атомные	80	76
Крупные надводные корабли (авианосцы, линкоры, крейсера, эсминцы, фрегаты, десантные корабли — 1200 тонн и более)	102	499
в том числе авианосцы, авианесущие	2	15
корабли с КР	23	274
десантные корабли 1200 тонн и более	24	84

Итак, в Европе на июль 1988 года у двух военных союзов при примерном общем равенстве имели место большие дисбалансы по видам вооружения. Варшавский Договор имел двойное преимущество в танках и примерно полуторное — в боевых машинах пехоты и артиллерии. Североатлантический союз имел полуторное преимущество в ударных самолетах, двойное — в боевых вертолетах и подавляющее преимущество в военно-морских силах.

Такое соотношение сил сложилось исторически. США и НАТО еще в 50-х годах окружили нашу страну своими военными базами, авиацией и силами флота: разместили на них 500 тыс. чел. своих вооруженных сил, боевые самолеты и корабли, а позже создали 15 авианосных ударных соединений, на которых размещено около 1500 боевых самолетов. Видимо, академик Арбатов эту угрозу Советскому Союзу сегодня подзабыл. Но ведь так тогда была реализована доктрина президента США Г. Трумэна на практике. Варшавский Договор, в свою очередь, в ответ создал в Европе превосходящую группировку сухопутных войск. Это было сделано тоже в 50-х годах в соответствии с решением руководства Советского Союза и ОВД. Эта группировка создавалась под руководством маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского и других. В то время С. Л. Соколов, Д. Т. Язов, В. Г. Куликов, Н. В. Огарков, С. Ф. Ахромеев были командирами дивизий и полков и абсолютно никакого влияния на эти решения не оказывали. Тогда же была создана и наша группировка танковых войск. Далее каждая сторона свои вооруженные силы соответственно в течение 30 лет развивала. Такова была в те годы политика СССР и США. В 1985—1986 годах советским руководством была выработана новая внешняя политика. В соответствии с ней была разработана при активном участии военного руководства новая советская военная доктрина и по-новому началось строительство Вооруженных Сил СССР, по-новому начались переговоры о сокращении вооруженных сил сторон в Европе. А вот комбинация с подсчетами за 1982—1983 годы отдельных видов оружия понадобилась академику опять-таки для того, чтобы обвинить советских генералов в «злонамеренных» действиях.

Я всегда был убежден, как убежден и сегодня, что изложенная выше оценка соотношения сил в Европе — это объективная оценка, а не обман. И на сегодня это соотношение сил в Европе для нас не улучшилось.

Что же касается «козырных карт», лукавства (как выражается в журнальной статье академик) в спорах о соотношении военно-морских сил, военных расходов стран и других, то надо ли такое приписывать руководству Министерства обороны СССР? Оно несет ответственность за состояние Вооруженных Сил и за оборону страны перед народом, Президентом СССР и правительством. Конечно, каждый имеет право высказывать свое мнение в области обороны страны, как это правомерно делает и академик Г. Арбатов. К высказанным мнениям нужно прислушаться, оценить и учесть их, если они непредвзяты. И все же между нами, гражданами страны, и руководством Министерства обороны в оценках проблем обеспечения надежной обороны страны есть существенная разница. Мы имеем право на критику и свое мнение, не отвечая при этом персонально за обороноспособность, а военное руководство несет за это всю полноту ответственности. Поэтому и подход отдельных граждан и военного руководства страны к проблемам обороны нередко может быть различным. Слишком уж разная мера ответственности.

Об этом хотелось бы напомнить академику, когда он смело вторгается в сугубо профессиональные военные проблемы. Выступая на Съезде народных депутатов и повторяя в анализируемой нами статье, Г. Арбатов утверждает, что Советскому Союзу не нужны авианесущие корабли в сегодняшних благоприятных международных условиях. Понимаю тех, кто против создания дорогостоящих систем оружия. Но пока они нужны. Такова обстановка в мире.

По мнению академика Г. Арбатова, в деле обороны страны нам, видимо, можно ориентироваться в значительной мере на добрые намерения администрации США. Может быть, когда-то такое время наступит. Но пока я сильно сомневаюсь в этом, когда сейчас идет дело об обороне нашей страны.

Не могу смолчать и о «трактовке» автором численности Вооруженных Сил Советского Союза и США. Вот что пишет академик Арбатов: «Почему министр обороны СССР Д. Т. Язов в интервью «Правде» от 23 февраля с. г. повторяет уже подвергшиеся критике подсчеты маршала С. Ф. Ахромеева с оценкой численности американской регулярной армии? В нее последний зачислил 1155 тысяч резервистов и членов национальной гвардии США. Неужели министру обороны не сообщили, что они превышают численность американских военнослужащих на целую треть? Тут что ни слово, то передержка. Спрашивается только: ради кого и ради чего? Только не ради истины. Суть своей ошибки академику Г. Арбатову уже давно ясна. Признать же мешает, по-моему, только самолюбие.

Во-первых, спор идет не о численности американской регулярной армии, а о численности вооруженных сил США мирного времени и сравнении их с численностью Вооруженных Сил СССР тоже мирного

времени. Так вот на 1 января 1990 года численность вооруженных сил СССР и США такова. Вооруженные Силы СССР — 3.993 тыс. человек. В это число входят как развернутые, так и сокращенные соединения и части всех видов вооруженных сил. Структура наших Вооруженных Сил такова, что ее развернутым соединениям и частям соответствуют американские регулярные войска и флот, а нашим сокращенным соединениям и частям соответствует организованный резерв сухопутных войск, ВВС и ВМС США. Вооруженные силы США — 3.301 тыс. человек, из них в регулярных силах — 2.130 тыс. человек, в резервных компонентах — 1.171 тыс. человек.

Организованный резерв вооруженных сил США включает не просто отдельных военнотружущихся, а постоянно развернутые части и подразделения сухопутных войск и ВВС национальной гвардии, резервов видов, которые организованы, укомплектованы и подготовлены для выполнения боевых задач. В составе национальной гвардии — 10 дивизий, 20 отдельных бригад, два полка; в ВВС национальной гвардии — 13 авиационных крыльев. Они укомплектованы личным составом на 80—90 процентов, оружием и техникой — на 70—80 процентов от штатов военного времени. Для ВВС эти показатели составляют 85—90 и 95—100 процентов соответственно.

В составе резервов видов вооруженных сил содержатся, кроме того, дивизия морской пехоты и три воздушные армии боевой и вспомогательной авиации, части боевого и тылового обеспечения. Все эти военнотружущие исправно получают заработную плату именно как военнотружущие. Все эти войска и части флота занимаются боевой подготовкой. Зачем же сравнивать эти войска США с нашими военнообязанными, которые, будучи гражданскими лицами, призываются на переподготовку на три недели один раз в пять лет?

В завершение статьи академик Г. Арбатов делает вывод, что С. Ахромеев искажает данные о численности вооруженных сил США и подводит этим министра обороны СССР Д. Т. Язова, который воспользовался этими данными. Автор авторитетно заключает: «Что это — некомпетентность или необъективность? Или просто ведомственное лукавство, попытка завысить военную угрозу, чтобы получить больше денег, оружия, людей? И то, и другое, и третье сейчас неуместно. Слишком сложный, слишком трудный для таких игр период переживает страна».

Обвинение мне предъявлено серьезное. Но оно не соответствует действительности. Правда заключается в том, что численность Вооруженных Сил СССР составляет 3.993 тыс. человек, а вооруженных сил США — 3.301 тыс. человек. И мягко говоря, ошибка академика в том, что он без каких-либо оснований оценил численность наших Вооруженных Сил, сравнивая их с американскими, более чем в 10 млн. человек.

Причина разногласий у нас принципиальная. Академиком Г. Арбатовым и мной по-разному оценивается степень военной опасности, существующей сегодня для нашей страны. Может быть, и не следовало бы открыто вести и спор по этому вопросу, если бы эта проблема широко не обсуждалась в нашем обществе.

Сейчас все согласны, что военная напряженность в мире снизилась, военная угроза для СССР уменьшилась. Согласно большинство и с тем, что главная причина этого — поворот в сторону миролюбия и здравого смысла всей внешней политики Советского Союза. Однако свой вклад в этот поворот внесли и США. Без изменения их политики такой поворот был бы просто невозможен. Нельзя забывать и вклад других стран в установление большего спокойствия в мире. США, хотя и с оговорками, положительно оценивают перестройку в нашей стране.

Однако (в этом убежден и говорю об этом открыто) военная опасность для Советского Союза не ликвидирована. В военной области США действуют во многом по-прежнему. Вот что сказал 4 мая с. г. президент США, выступая в университете штата Оклахома: «Только комбинация сил, оснащенных обычным вооружением, и ядерных сил обеспечит длительный мир в Европе. Все зависит от сохранения НАТО. Вы можете изменять его, делайте более политическим. Но в него должна входить Германия и в него должны входить США. Мы не можем допустить, чтобы одна из этих стран оказалась в изоляции». Еще яснее сказал в январе с. г. министр обороны США Р. Чейни: СССР остается для США в обозримом будущем главным противником. Военный бюджет на 1990 год утвержден в сумме 305 млрд. долларов.

Правда, за последнее время публикуется много заявлений американского руководства о предстоящих сокращениях военных расходов и вооруженных сил. Но за этим пока не следует практических мер. Мы не только говорим, но и действуем: разработали новую оборонительную военную доктрину, в основе которой заложена оборонная достаточность. В соответствии с ней сокращаем Вооруженные Силы на 500 тыс. человек, выводим свои войска из Чехословакии и Венгрии, по-крупному сокращаем военные расходы. США и ФРГ добиваются, чтобы объединенная Германия обязательно вошла в состав блока НАТО. Может быть, ближайшие недели (предстоит серия совещаний высших органов НАТО) дадут что-то новое?

Хотя сегодня в мире и становится спокойнее, к Советскому Союзу Японией (к сожалению, не только ею) предъявляются, без должных на то оснований, территориальные претензии. В ФРГ периодически поднимаются вопросы о «рейхе в границах 1937 года». Не прекращаются и в некоторых других странах призывы к ревизии системы договоров в Европе, определивших существующее сегодня территориальное устройство государств. Опыт истории подтверждает, что с изменениями обстановки, ослаблением обороноспособности какой-либо страны и изменением соотношения сил между странами тон территориальных претензий способен резко меняться. Это случилось в прошлом и приводило к крутым поворотам во взаимоотношениях между государствами. Наша страна уже имеет такой опыт. Необходимо ли это учитывать? Конечно. Таким образом, борясь за мир, снижение военной опасности, за сокращение вооружений, Советский Союз сегодня должен иметь сильные и современные Вооруженные Силы.

Точно так я писал и в декабре 1989 года в открытом письме главному редактору журнала «Огонек» В. А. Коротичу. Казалось бы, это принципиальное положение. С ним можно спорить. Однако прошло уже полгода, но ни от кого, в том числе и от академика Г. Арбатова, возражений не последовало. Спорят о чем угодно, но только не об этом. Обошел академик вопрос о военной опасности для СССР и на этот раз. Почему? Ведь это фундамент для всех дальнейших оценок. Потому, на мой взгляд, что не осмеливается открыто высказаться по этой проблеме перед лицом советской общественности. Нельзя оспорить факты. Будешь оспаривать — поставишь себя в неудобное положение. Слишком уж ясной станет позиция сторонника одностороннего разоружения Советского Союза и превращения в конечном итоге нашей страны в государство, попавшее в зависимость от других.

Бороться за снижение военной опасности, ведя терпеливо переговоры с США и другими странами по сокращению вооружений, поддерживая одновременно оборону страны на должном уровне, или разоружаться в одностороннем порядке. Вот в чем сегодня суть наших разногласий с академиком Г. Арбатовым. Остальные споры второстепенны. Они лишь фон для доказательства главного. Поэтому и мое сегодняшнее выступление вызвано не какой-то обидой, а защитой принципов. Оставим в стороне мою «некомпетентность» в военном деле и «ведомственное лукавство». Пусть читатель сам рассудит, действительно ли я преувеличиваю военную угрозу для нашей страны, чтобы получить больше денег, оружия и людей для Вооруженных Сил, или академик Г. Арбатов сознательно преуменьшает ее, добиваясь только ему известных целей. Пусть читатель определит: кто же из нас кривит душой и лукавит?

(«Советская Россия», 12 мая 1990 г.)

ЗАЧЕМ ПИСАТЬ НЕПРАВДУ?

По поводу статьи маршала С. Ф. Ахромеева «Кто же кривит душой?»

Пять месяцев назад я выступил на Съезде народных депутатов СССР, предложив в связи с экономическими трудностями, переживаемыми страной, а также улучшившейся международной обстановкой, более решительно сокращать военные расходы. Уже на Съезде меня атаковали генерал Овчинников и адмирал Чернавин. После Съезда против моего выступления и написанных в ходе полемики двух статей в «Огоньке» (№ 5 и № 17 с. г.) «беглый огонь» открыли генерал-майор Медведев («Огонек» № 9), генерал-майор Кириленко (дважды — в «Литературной России» и «Красной звезде») и маршал С. Ф. Ахромеев (дважды — в «Красной звезде» и в «Советской России»), не говоря о малоизвестном отставном полковнике, выступившем в той же «Литературной России».

Я внимательно прочел написанное своими оппонентами и, в общем, удовлетворен тем, что дискуссия позволила вынести на суд общественности немало проблем военной политики, до тех пор закрытых завесой молчания. Но одна объединяющая эти публикации черта меня разочаровала — присутствующий во всех них элемент политического доноса, столь знакомого нам по мрачным временам прошлого. Выражен этот элемент, конечно, с разной степенью откровенности (и грубости) — от обвинения в «Литературной России» в том, что я по наущению ЦРУ (!) убедил советское руководство принять принцип «разумной достаточности» (кстати, вроде бы одобренный и Министерством обороны СССР), до не очень остроумных, но достаточно прозрачных шуточек генерала Кириленко насчет того, что, может быть, и институт, в котором я работаю, является вовсе не частью Академии наук СССР, а американским учреждением.

Но больше всего меня огорчил маршал С. Ф. Ахромеев. Сергей Федорович, человек, к которому я отношусь с личным уважением, хотя

по ряду вопросов мог не соглашаться, спорить, пошел на откровенную неправду, не только позволив себе недостойные замечания насчет неких таинственных, одному мне «известных целей», но и приписав мне позицию «сторонника одностороннего разоружения Советского Союза и превращения в конечном итоге нашей страны в государство, попавшее в зависимость от других».

Маршал полностью извращает как предмет идущего спора, так и суть наших с ним разногласий. Он утверждает, в частности, что он за то, чтобы «бороться за снижение военной опасности, ведя терпеливые переговоры с США и другими странами по сокращению вооружений, поддерживая одновременно оборону страны на должном уровне», а я за то, чтобы «разоружаться в одностороннем порядке».

Я решительно не могу принять ни такого тона, ни такого метода ведения дискуссии. Я не сторонник одностороннего разоружения страны и никогда к нему не призывал¹. И спор наш идет о другом — о том, что же такое тот должный уровень, на котором, и по мнению маршала, и по моему мнению, безусловно, должна поддерживаться оборона страны? Наше огромное численное превосходство по всем статьям, кроме крупных надводных кораблей и ударной тактической авиации (о должном качестве при таких количествах, естественно, не приходится говорить)? И потом — как определять этот должный уровень — по каким критериям, кому, на какой основе? В обстановке тайны, молчком, в узком кругу «посвященных», так, чтобы потом и спросить было не с кого? Или же на основе обстоятельной демократической дискуссии, выслушав разные мнения, ставя решения под контроль парламента (что, конечно, не исключает и секретности — в разумных пределах — некоторых параметров военных программ)? Маршалу не хуже, чем мне, известно, как у нас все это делалось, а в значительной мере делается и до сих пор, что как раз и поставило с такой остротой вопрос о военной реформе (о ней, кстати, он не обмолвился ни полсловом).

Иначе как прямую клевету я не могу расценить и утверждения С. Ф. Ахромеева, что я, мол, добиваюсь превращения нашей страны в зависимое от других государство. Наоборот, я добиваюсь обретения нашей страной подлинной независимости. В том числе и выступая против чрезмерных военных и иных расходов. Только отказавшись от них, мо-

¹ Хотя, должен оговориться, во-первых, приветствую также разумные односторонние действия вроде принятого руководством СССР в конце 1988 года сокращения Вооруженных Сил на 500 тысяч человек (оно уменьшило ненужное нам превосходство в численности). И, во-вторых, не разделяю оптимизма маршала насчет того, что традиционные «терпеливые» переговоры остановят гонку вооружений, если их не подкрепить разумной военной политикой, действительно основанной на оборонной достаточности (один лишь факт — даже после того, как мы подпишем договор о пятидесятипроцентном сокращении стратегических ядерных вооружений, у нас и американцев их останется больше, чем было 21 год назад, когда мы сели за стол переговоров)

жем мы наконец вернуть себе способность кормить собственный народ, подняв сельское хозяйство и промышленность, отказавшись от унижительных и разорительных, действительно ставящих нас в зависимость, закупок за рубежом зерна, рядового оборудования, элементарных товаров народного потребления. Выступаю я также за то, чтобы мы обрели наконец независимость в своей военной политике, перестав слепо идти за американцами чуть не в каждой военной программе и отдавая тем самым в их руки ключ от нашего военного планирования. Тем более что, увидев эту нашу слабость, наиболее непримиримые враги СССР специально провоцируют нас на создание самых дорогих и бессмысленных систем оружия, чтобы еще больше подорвать нашу экономику (официальное название этой политики — «конкурентная стратегия»).

Неправды, к сожалению, в статье С. Ф. Ахромеева очень много. И журнал «Огонек», и меня он, например, обвиняет, что мы намеренно, дабы себя в глазах общественности не разоблачать, обходим вопрос о военной опасности. «Спорят о чем угодно, — пишет маршал, — но только не об этом. Обошел академик вопрос о военной опасности для СССР и на этот раз».

Прочитал я это гневное обличение (оно легло в основу всех остальных) и глазам не поверил. О чем говорит уважаемый маршал? Придется мне, коль скоро белое называют черным, привести пространную цитату из критикуемой С. Ф. Ахромеевым статьи в «Огоньке».

«Еще один важный вопрос, — писал я, — об оценке военной угрозы. Это, собственно, центральный вопрос для всех решений в области обороны: об ассигнованиях, программах вооружений, размерах Вооруженных Сил. И здесь... у некоторых военных деятелей своя, особая точка зрения».

Генерал (я писал о статье В. Медведева) выражает, в частности, свое несогласие с моим утверждением о том, что «новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности». Это, мол, может вызвать «благодушие», это — «излишний оптимизм». Серьезные обвинения. Но спорит он здесь отнюдь не со мною, не с моей статьей, а с нашей новой политикой. Если не снизилась военная опасность, разве можно в одностороннем порядке сокращать на полмиллиона армию, пускать на металлолом десять тысяч танков и множество другого оружия?.. То, что международная обстановка за последние годы изменилась, а военная опасность снизилась, ясно каждому, кто живет с открытыми глазами, читает газеты, слушает радио, интересуется тем, что происходит вокруг.

Так почему же этого не видят, не признают некоторые высокопоставленные военные (кстати, не только наши, но и американские — здесь тоже «зеркальное» отражение, порожденное, возможно, сходством ведомственного интереса)?»

И так далее. Именно это — анализ международной ситуации и воен-

но-политических угроз есть моя специальность, моя профессия, и просто нелепо слышать от С. Ф. Ахромеева, что я от этих тем ухожу.

Да, пока еще военная угроза сохраняется, хотя она заметно снижается. И пока она есть, я, так же как и маршал, считаю необходимым для СССР иметь достаточную (но разумно достаточную, притом достаточную только для обороны) военную мощь. Мало того, именно думая о ней — и не только сегодня, но и через 10—15—20 лет, — я утверждаю во мнении, что нужно возможно скорее осуществлять военную реформу и сокращать военные расходы. Сокращать, чтобы укрепить свою науку и промышленность — залог нашей обороноспособности в будущем, снять социальную напряженность в стране, оздоровить моральную обстановку в армии, подрываемую тяготами жизни военнослужащих.

...Вот почему деньги надо считать, а военные расходы — радикально сокращать.

Не могу не сказать и о доводах маршала С. Ф. Ахромеева насчет возможного в будущем усиления военной опасности из-за пережитков «холодной войны» и возможности нежелательных поворотов событий на Западе. То, на что он ссылается, есть — и воинственные речи отдельных деятелей, и реваншистские высказывания, и опасные военные программы. Но я не согласен с тем, что все это — препятствие для новых смелых шагов во внешней политике, включая новые инициативы в разоружении и демилитаризации отношений.

По существу, маршал на свой лад повторяет аргументы некоторых западных политических и военных деятелей, которые отстаивают необходимость больших военных расходов и прежних программ вооружений, требуют сохранения НАТО, предлагают «не спешить» с переговорами, ссылаясь на то, что политика СССР может «в будущем» измениться, в частности, и потому, что усилится влияние на нее советских генералов.

Отвечая и тем, и другим, я бы заметил, что торможение процессов нормализации и демилитаризации отношений, чем бы оно ни оправдывалось, может сделать самые мрачные пророчества самосбывающимися. Сорок лет обе стороны пытались отводить военную угрозу, увеличивая военные потенциалы. Это вело только к «холодной войне», гонке вооружений, росту военной угрозы. В течение последних пяти лет мы испробовали другой путь: смелых инициатив, открытого диалога, мер доверия и активных, «неортодоксальных» предложений на переговорах. И уже во многом изменили международные отношения, нанесли сокрушительный удар по «холодной войне». Разве можно забывать этот урок истории?

Не знаю, убедил ли я хоть в чем-то С. Ф. Ахромеева. Его статья родила у меня подозрение: внимательно ли он вообще читает работы, которые критикует, или просто «стреляет по площадям»? Ведь маршал не только обвинил меня в молчании по проблеме, которая составила важнейший тезис статьи, но и не ответил ни на один из поставленных там

перед военными товарищами вопросов. Напомню о них, ибо они по-прежнему ждут ответа:

— Зачем нам нужны три авианосца и сколько они будут стоить?

— Сколько мы сегодня производим оружия (танков, самолетов, ракет, кораблей и т. д.)? Не думаю, что это большой секрет — вступить в переговоры, мы дали или дадим эти данные другой стороне.

Повторяю вопрос о количестве оружия, в частности обычных вооружений, по той причине, что объяснения, даваемые уже не в первый раз маршалом С. Ф. Ахромеевым, не являются убедительными. У США, говорит он, была монополия на ядерное оружие, и, чтобы нейтрализовать, сбалансировать ее, мы создали «контругрозу» Западной Европе, союзникам США, нарастили там превосходство в обычных вооружениях и вооруженных силах. Что же, исторически дело, может быть, так и обстоит, хотя и в этом вопросе еще надо как следует разобраться. Но стоит ли в этом случае удивляться, что западноевропейцы при этом действительно испугались и прильнули к США? Оказывается, если поверить маршалу, мы как раз и хотели, пусть для сдерживания Америки, создать им угрозу.

Но главное даже не в этом. Самый существенный вопрос состоит вот в чем. Зачем надо было сохранять эту угрозу, это превосходство в военной мощи до сих пор (мы признали его лишь в конце 1988 года)? Сохранять уже после того, как СССР приобрел паритет в ядерных вооружениях, а по некоторым параметрам, как утверждают на Западе — опять приходится ссылаться на западные источники, но что делать, если не существует наших? — и обогнал своего противника. Так что и в данном случае маршал С. Ф. Ахромеев объяснил отнюдь не все. А точнее, лишь подтвердил факты, говорящие в пользу серьезных изменений в нашей военной доктрине и политике, в том числе за счет оправданных — я бы даже решился сказать, необходимых — односторонних сокращений, о начале которых объявил полтора года назад с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН М. С. Горбачев.

— Правда ли, что наши ВВС сжигают в три раза больше горючего, чем Аэрофлот (а он ежегодно отказывает в услугах из-за нехватки горючего десяткам миллионов пассажиров)?

— Правда ли, что у нас во много раз больше генералов и адмиралов, чем в США?

— Как можно включать резервистов в численный состав вооруженных сил? В то же время не включая у себя не только резервистов, но и пограничные, внутренние, строительные и железнодорожные войска? А уж если этот метод столь дешев (содержание резервной дивизии обходится вдвое дешевле регулярной) и эффективен, почему бы и нам не уечь такой опыт при осуществлении реформы?

Не оспорил маршал и главные выводы моей статьи — о необходимости соизмерять наши усилия в военной области с возможностями и потребностями страны.

Вместо ответа на эти вопросы и выводы С. Ф. Ахромеев пошел, к сожалению, по другому пути: попытался политически скомпрометировать своего оппонента, возложив на него «часть» вины за ошибки нашей внешней и военной политики в период застоя. «Многие, — пишет, в частности, маршал, — читали доклады академика Г. А. Арбатова о перспективах советско-американских отношений, и далеко не все из этих докладов выветрилось из памяти. И совсем нередко в них были изложены мысли и выводы, удобные на тот момент руководству».

Вот здесь я попросил бы С. Ф. Ахромеева быть конкретнее и привести хоть один пример. Я, конечно, не претендую на то, что никогда не ошибался — такого не бывает. И наряду со многими другими нашими работниками, в том числе высокого ранга, многие вещи понимал тогда хуже, чем сейчас (вспоминаю, кстати, как на нашей с С. Ф. Ахромеевым встрече с западными журналистами, проходившей в прошлом году в пресс-центре МИД СССР, маршал, отвечая на вопрос, почему он раньше писал одно, а сейчас другое, сказал: «Ахромеев до перестройки и сейчас — это два разных человека»). Но в угоду начальству выводы я ни тогда, ни теперь не подгонял — это очередная выдумка.

Ее нетрудно проверить — наверное, сохранились где-то в архивах и мои доклады, и шифротелеграммы. Но я на месте Сергея Федоровича на путь таких обвинений не становился бы — говорят ведь: не швыряйся камнями, сидя в стеклянном доме. Человек, который с 1974 года занимал пост заместителя начальника Генерального штаба, с 1979 года — первого заместителя, а с 1984 года и до конца 1988 года — начальника Генерального штаба, не мог не участвовать, притом активно, во многих происходивших тогда делах, включая решения об Анголе, потом Эфиопии и Афганистане (не за эту ли войну он получил звание Героя Советского Союза?), о развертывании ракет СС-20 в Европе, о строительстве авианосцев и других разорительных программах, о Красноярской РЛС и многом другом.

На этот период пришелся и маховый расцвет дедовщины и ряда других болезненных явлений, поразивших наши Вооруженные Силы.

Не хочу, указывая на другого, уходить от ответственности сам: еще раз повторяю, что готов ответить за каждый свой политический совет, за каждую рекомендацию. Но пусть мои критики будут конкретны. И раз уж приходится отвечать на клевету, не могу не сказать и о другом — что, когда был не согласен с решениями, набирался все же смелости возражать начальству, спорить с ним, преодолевая сковывавший тогда нас всех страх. В частности, возражал против авантюры в Анголе и уже в первые месяцы войны в Афганистане (о самой войне со мной, конечно же, не советовались, о ней я узнал из радио и газет) доказывал руководству, что надо начинать вывод наших войск (и уговорил вывести первые 10 процентов, хотя потом это решение было отменено), протестовал против развертывания ракет СС-20 и добивался хотя бы сокращения их числа, вопреки требованиям военного руководства подписал доклад

«Комиссии Пальме», резко возражал (и был за это бит) против линии на извращение истины и реабилитацию Сталина в многотомном издании «История Второй мировой войны». И так далее. Всему тому есть живые свидетели (А. Бовин, В. Загладин, Ю. Жуков, А. Александров-Агентов и многие другие, включая, если ему не откажет память, и С. Ф. Ахромеева). Сегодня можно, конечно, сказать (я и сам об этом не раз думал), что надо было спорить с руководством больше, решительней. Но тогда на это решались немногие — риск был немалый.

Словом, Сергей Федорович, я мог ошибаться, но начальству не угождал и линию занимал определенную, о чем где-где, а в Министерстве обороны хорошо знали. Да, мы, случалось, выступали с С. Ф. Ахромеевым с единых позиций, защищая политику страны от нападок представителей военно-промышленного комплекса США. Но вопреки утверждениям маршала я (как подозреваю, даже и многие люди, занимавшие более высокое положение) просто не знал состояния дел ни с военным бюджетом, ни с ядерными вооружениями, ни с соотношением военных сил в Европе. Просто смешно, когда маршал С. Ф. Ахромеев пытается утверждать обратное — уж он-то хорошо знает, как надежно Министерство обороны и его деятельность были защищены от любого взгляда извне, а тем более от критических суждений. И сегодня положение не стало нормальным. Не только для специалистов, но и для Верховного Совета очень многие не являющиеся по-настоящему тайной данные по военным делам по-прежнему остаются недоступными.

Заключая, хотел бы сказать, что диалог с представителями генералитета развивается, как видим, не гладко. Однако, несмотря на все разочарования, я все же считаю, что мы должны его продолжать. Уж если нашим военным удалось наладить диалог со своими коллегами из США, неужели они не найдут общий язык со своими штатскими соотечественниками? Очень важно перестать обвинять и подозревать друг друга, перевести дискуссию в конструктивное русло — верю, что руководство Министерства обороны разделяет такую позицию. Это поможет перестройке в стране. Это поможет также сделать нашу оборону не только менее дорогой, но и более надежной, успешно провести военную реформу, улучшить жизнь и быт военнослужащих. Этого хотят все, кому дороги интересы страны.

(«Огонек» № 22, 1990 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Из выступления академика Г. А. Арбатова на II Съезде народных депутатов СССР	5
Из выступления генерал-лейтенанта А. И. Овчинникова на II Съезде народных депутатов СССР	7
Г. АРБАТОВ. Армия для страны или страна для армии?	8
В. МЕДВЕДЕВ. Армия страны, армия народа	13
Г. АРБАТОВ. А если без лукавства?	18
С. АХРОМЕЕВ. Кто же кривит душой?	32
Г. АРБАТОВ. Зачем писать неправду?	41

АРМИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

*Статьи и выступления
по военным вопросам*

Редактор А. Ю. Болотин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 13.08.90. Подписано к печати 25.09.90. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать Усл. печ. л. 2,10. Усл.
кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 2,21 Тираж 150 000 экз. Заказ № 2694. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СТРАХОВЫЕ УСЛУГИ КООПЕРАТИВАМ

● Имущество кооперативных (кроме колхозов) и общественных организаций может быть застраховано на случай гибели или повреждения в результате пожара, удара молнии, взрыва, наводнения, землетрясения, цунами, просадки грунта, бури, урагана, ливня, града, оползня, обвала, морозов и снегопадов, прекращения подачи электрической энергии, вызванного пожаром, стихийными бедствиями и авариями, селя, действия подпочвенных вод, затопления, проникновения воды из соседнего помещения, аварий.

● Договоры страхования заключаются сроком на один год или на неопределенный срок с ежегодным перерасчетом стоимости имущества и суммы годового платежа. С организациями, деятельность которых носит сезонный характер, может быть заключен договор и на срок менее года.

● Страховой взнос по такому договору составляет от 15 коп. до 3 руб со 100 рублей страховой суммы в год.

● Дополнительно застраховать свое имущество можно от:

кражи со взломом (грабежа) и угона средств транспорта;

уничтожения или повреждения в результате умышленных неправомерных действий третьих лиц

За каждое такое событие ставка платежа возрастает еще на один рубль в год

● Рачительным хозяевам предоставляются льготы. Если страхованием было охвачено имущество в полной стоимости и не производились выплаты страхового возмещения в течение трех и более лет, то годовая сумма платежа уменьшается на 5—15%.

● Подробнее ознакомиться с условиями и заключить договор можно в инспекции государственного страхования.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР
ПРАВЛЕНИЕ.